

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СООБРАЖЕНИЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

(в тѣмѣ, чтобы по отпечатаніи предъявлено было къ цензурѣ комп-
тету узаконеніе членъ экземпляромъ, С.-Петербургъ, октября 7 или
1861 года.

Доноръ: *Ф. Расторгуевъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА.

Составилъ И. А. Иструхинскій.

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Помѣщая въ интересѣ разработки основныхъ попыткѣ науки эту замѣчательную критическую статью на страницахъ своего изданія, Редакція Экономиста тѣмъ не менѣе не принимаетъ безусловно всѣхъ выводовъ автора, какъ это ясно для всякаго, сдѣлившаго за направленіемъ изданія до сего времени. Она не оспариваетъ себя вѣрою въ нормальность всего существующаго, но и не можетъ признать иенормальнымъ цѣлаго организма мѣны, проявляющейся вездѣ въ одинаковыхъ основныхъ чертахъ. Въ скоромъ времени читатели Экономиста, если позволять обстоятельства, ближе ознакомятся съ его взглядомъ на этотъ предметъ, спорный только для тѣхъ, которые смысливаютъ вождѣленное съ дѣйствительнымъ.

ПОЛИТИКО - ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СООБРАЖЕНІЯ

о

ВАЖИЛЪШИХЪ СПОРНЫХЪ ПУНКАХЪ

политической экономии.

*Определеніе Политической экономіи какъ науки; определеніе
личностей: о свободѣ торговли; машины.*

«Какой можетъ быть результатъ дѣятельности одного человѣка, разобщенной съ дѣятельностью другихъ людей? Сомнѣніе... Вопросы разъясняются со временемъ въ собирательномъ твореніи высшихъ умовъ, и это твореніе всегда собирательно, несмотря на кажущіяся различія въ направлениі дѣятелей. Надо только имѣть терпѣніе, и свѣтъ явится. Гордая ревность, свойственная намъ всѣмъ, по которой мы склонны пристрастно отдавать предпочтеніе одной какой-нибудь форме истины передъ другими, больше всего замедляетъ это появленіе свѣта. Эта ревность намъ необходима, но намъ также бываетъ иногда необходимо сказать: иѣ знаю». Такъ говоритьъ знаменитая мыслительница нашего времени Ж. Сандъ (*L'histoire de ma vie, tome X, ch. 22, p. 76. note*). Если при разработкѣ какой-либо науки нужно имѣть въ виду приведенныя слова, то конечно при разработкѣ Политической Экономіи, какъ такой науки, которая появившись недавно, не успѣла еще окрѣпнуть до того, чтобы заключать въ себѣ однѣ безспорныя аксиомы. А между тѣмъ, занимающіеся политической

тико-экономическими изследованиями, кажется, меньше всѣх другихъ ученихъ руководствуются заключеніемъ въ этихъ словахъ вѣрию мыслю. Они какъ-бы не хотятъ понять самаго вѣрнаго и самого яснаго изъ политico-экономическихъ законовъ, закона раздѣленія занятій. Какъ произведеніе всякой цѣности необходимо бываетъ результатомъ усиій вѣсколькоихъ лицъ, соединившихся между собою, такъ и открытие всякой истины достигается гораздо успѣшнѣе посредствомъ соединенія усиій многихъ мыслителей, изъ которыхъ каждый обладаетъ специальными, ему одному свойственными качествами ума. Эти качества, при раздѣленіи единичномъ труда, немного принесутъ пользы, но соединенія съ другими, имъ гармонически соответствующими, могутъ произвести результатъ изумительный.

Всикому, кто слѣдить за развитіемъ Политической экономіи извѣстно, сколько споровъ, несогласій, противорѣчій, истерпимости, выказываютъ ученые, занимающіеся этой наукой. Эти споры и несогласія, вместо того, чтобы ускорить решеніе политico-экономическихъ вопросовъ, исказанно это решеніе замедляютъ. А между тѣмъ, спорныхъ пунктовъ Политической экономіи оставить нерѣшеннymi нельзя. Скорое и правильное ихъ решеніе необходимо: оно составляетъ первый интерес всего человѣчества.

Въ послѣднее время, научная обработка началь Политической экономіи усилилась въ Россіи, и нельзѧ не замѣтить, что, несмотря на все разногласія между русскими экономистами, несмотря на всю противоположность иныхъ направлений, все-таки здесь много вѣроятности на решеніе спорныхъ вопросовъ науки съ хладнокровiemъ и терпимостью, а слѣдовательно и съ успѣхомъ.

Отрадное это явленіе имѣть свои причины. Русские мыслители, занимающіеся решеніемъ вопросовъ Политической экономіи, выказываютъ, сравнительно съ другими, болѣе хладнокровія и терпимости потому, что вопросы эти решаются здѣсь, насколько это возможно по самому существу дѣла, въ виду уясненія принциповъ, и допускаетъ возможніе малое участіе, при ихъ решеніи, интересовъ. По нашему убѣжденію, такой способъ ученой дѣя-

тельности самый рациональный; изслѣдуйте внимательно и рѣшайте правильно принципы, а ихъ приложеніе найдется само собою.

Понятно впрочемъ, почему положенія и начала, выдаваемыя за аксиомы экономистами различныхъ направлений, защищаются и оспариваются съ большимъ жаромъ, упорствомъ и истерпимостью, нежели положенія и начала другихъ наукъ. Аксиомы эти, или положенія, выдаваемыя за аксиомы, касаются прямо и непосредственно интереса многихъ лицъ, и потому лица эти, хотя иногда и вовсе чужды ученой дѣятельности, но прямо заинтересованы въ решеніи вопроса тѣмъ, или другимъ способомъ, съ жаромъ и истерпимостью отстаиваютъ даже положенія очевидно ложные, но могущія, по ихъ мнѣнію, служить защитою ихъ интересамъ. Всѣ преграды и споры о свободѣ торговли, напримѣръ, не избѣжутъ иного источника. Замѣчательно, что изъ экономистовъ, защитники свободы торговли, вносящіе въ споръ даже къ мнѣнію противоположному. По самымъ замѣчательнымъ примѣромъ подобного пристрастнаго решенія экономическихъ вопросовъ, представляеть решеніе брюссельскаго конгресса о литературной и артистической собственности. Намъ кажется, что спорные пункты другихъ наукъ, имѣютъ больше вѣроятности на решеніе ихъ другимъ образомъ. Какое напримѣръ могутъ имѣть побужденіе неоконцептуисты защищать слишкомъ жарко, даже вопреки очевидности, свои доводы противъ иллюинистовъ, кроиѣ интересовъ науки? Менѣе беспристрастенъ споръ между супранатуралистами и ихъ противниками, потому что результатъ этого спора можетъ имѣть хотя косвенное влияніе на интересы значительного круга лицъ, пользующихся до сихъ поръ остатками огромнаго значенія. Менѣе всего беспристрастны могутъ быть споры въ области соціальной науки и Политической экономіи. Изслѣдования этихъ наукъ и добытія ими формулы имѣютъ прямую, непосредственною цѣлью и предметомъ человѣка, его интересъ и благосостояніе. Какие интересы пострадаютъ оттого, восторжествуетъ ли то ученіе о землетрясеніяхъ, по которому они приписываются вліянію атмосферы, или то, по которому они приписываются вліянію внутренней теплоты

земного шара? Отъ горжеста одного изъ этихъ ученій въ ущербъ другому пострадаютъ развѣ только книгопродавцы, предпринимающіе изданіе сочиненій, заключающихъ въ себѣ побѣженное учение. Но уже не то будетъ, если многіе изъ спорныхъ пунктовъ Политической экономіи рѣшены будутъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Возьмемъ для пріимера хотѣбы споры о поземельной собственности, о собственности литературной и артистической, о распределеніи дохода; самое краткое изложеніе содержанія этихъ споровъ, указываетъ уже на тѣ интересы, которые ими затрагиваются.

Напрасно многіе думаютъ, что причина раздѣленія на партии ученыхъ, занимающихся политико-экономическими изслѣдованіями заключается единственно въ несовершенствѣ самой науки. Придерживающіеся такого мнѣнія говорятъ, что Политическая экономія не успѣла еще выработать основныхъ и безспорныхъ началъ, на которыхъ должна основываться всякая наука, да едва ли ей суждено выработать когда либо такія начала: Политическая экономія изслѣдуетъ явленія, зависящія отъ человѣческой свободы, а явленій этихъ никакъ нельзя подвести подъ строгія формулы точныхъ наукъ. Разсуждающіе такимъ образомъ (къ ихъ числу принадлежитъ между прочимъ и г. Воловскій) очевидно смѣшиваютъ свободу съ произволомъ. Они забываютъ, что свобода предполагаетъ согласіе съ закономъ, какъ разумно необходимо извѣстного образа существованія и дѣятельности, что съединительно все экономическая явленія, могутъ быть выражены математическими формулами. Опытъ такого выраженія мы видимъ у Кетлэ и фон-Тючена.

Для большаго доказательства того мнѣнія, что главную причину непримиримыхъ повидимому несогласій въ изложеніи политико-экономическихъ формулъ составляютъ интересы, еще добавимъ, что бывали случаи, где выведенныя научныя формулы, несмотря на всю ихъ искренность, оспаривались, по крайней мѣрѣ, относительно ихъ послѣдствій. Напримѣръ: главное положеніе теоріи народонаселенія Мальтуза, выраженное въ строгой математической формулѣ статистикомъ Кетлэ, оспаривается до сихъ

поръ—многіе еще и теперь смѣшиваютъ *средства содержанія*, *съ средствами пропаганды*, и тѣмъ несказанно затягиваютъ вопросъ сачъ по себѣ совершенно ясный. Въ другихъ случаяхъ, глѣ, при самой небольшой долѣ истиннаго желанія, легко было найти истину, почему-то этого желанія не оказалось, истина обойдена, напр. въ брюссельскомъ конгрессѣ объ интеллектуальной собственности. Этотъ посѣденій случай очевидно указываетъ на существованіе, при ученыхъ изслѣдованіяхъ, задней мысли объ отстояніи извѣстныхъ интересовъ.

При всемъ томъ, нельзя совершенно отрицать той мысли, что действительна соціальная наука и Политическая экономія еще не образовались окончательно—въ этихъ наукахъ есть еще много спорныхъ пунктовъ. Но они потому именно и спорны, что пренія объ нихъ не отличаются добросовѣстностью и беспристрастіемъ. Настоящее разсужденіе имѣть предметомъ, избѣгая по возможности этихъ недостатковъ, строго придерживаясь принциповъ, и оставляя покамѣстъ интересы въ сторонѣ, если не окончательно разрѣшить въ спорные пункты въ Политической экономіи, то по крайней мѣрѣ попытаться указать на возможность рѣшенія важнейшихъ изъ этихъ пунктовъ.

Нѣкоторые, даже ученые въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не дилетанты науки, часто выражаютъ мысль, что изслѣдованіе самыхъ принциповъ Политической экономіи менѣе важно, нежели приложеніе этихъ принциповъ къ дѣлу; что разсужденіе о всякомъ отдельномъ экономическомъ явленіи въ обществѣ, практическое направленіе этого явленія, несравненно важнѣе теоретического изслѣдованія общихъ началь науки; что первое прилично народамъ уже зрѣлымъ, а второе будто бы составляетъ уѣхъ обществъ младенческихъ. Кромѣ того, что мнѣніе это даетъ дилетантамъ поводъ пренебрегать наукой, принципы которой можно будто бы прилагать къ практикѣ безъ предварительной ихъ опѣнки, мы съ этимъ мнѣніемъ не можемъ согласиться еще и по другимъ причинамъ. Если изслѣдованіе политико-экономическихъ истигъ должно имѣть окончательнымъ результатомъ практическое благосостояніе, то тѣмъ не менѣе, намъ

кажется, что этого благосостояния нельзя достигнуть безъ предварительного изслѣдованія и оцѣнки общихъ началь Политической экономіи — иначе можетъ случиться (и дѣйствительно случается) что примѣнится къ практикѣ начала вовсе несостоительны.

Первый спорный пунктъ въ Политической экономіи составляетъ опредѣленіе самой науки. По этому пункту, экономисты значительно расходятся въ мнѣніяхъ. Молинари замѣчаетъ, что «экономисты не согласились еще совершенно ни относительно определенія Политической экономіи, ни относительно границъ, въ которыхъ слѣдуетъ замкнуть эту науку». Онъ приводитъ определенія Политической экономіи, сдѣланныя иѣкоторыми учеными: «А. Смить говоритъ: Политическая экономія, рассматриваемая какъ отрасль знанія государственного человѣка, или законодателя, задаетъ себѣ два различныхъ вопроса: 1) доставить народу хороший доходъ или большиe средства содержания; или лучше сказать, поставить народъ въ такое положеніе, чтобы онъ могъ самъ себѣ доставать доходъ и средства содержания, 2) пособить тому, чтобы государство или общество имѣло доходъ достаточный для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Политическая экономія имѣть задачею обогатить народъ и государя».

«Ж. Б. Сэй, думаетъ, что Политическая экономія есть наука, занимающаяся способомъ, которымъ богатство образуется, распространяется и потребляется.

«де-Сисмонди говоритъ, что Политическая экономія имѣть своимъ предметомъ физическое благосостояніе народа, въ той мѣрѣ въ какой оно можетъ быть дѣломъ его правительства. По Шторху, Политическая экономія есть наука о естественныхъ законахъ, опредѣляющихъ благосостояніе народовъ, т. е. ихъ богатство и ихъ цивилизацию».

Самъ же Молинари опредѣляетъ Политическую экономію слѣдующимъ образомъ: «она есть наука, описывающая общественный организмъ. Это наука описывающая общественный механизмъ, общественная анатомія и физіология» (*Cours d'économie*

polit. pr. au musée royal de l'industrie belge. 1855. Bruxelles. 1 p., introd. p. 13.)

Боловскій (*Principes d'écon. polit.* p. G. Roscher, trad. t. 1, прѣface, p. LIV) приводить опредѣленіе Россіи, который раздѣляеть Политическую экономію на дѣй части. «Политическая экономія рациональная есть наука, изыскивающая природу, причины и движение богатства на основаніи общихъ и постоянныхъ фактовъ человѣческой природы и вѣшнаго міра. Въ Политической экономіи прикладной, наука принимается за средство, здѣсь принимаются въ соображеніе факты вѣшніе; народность, время, пространство (Это факты вѣшніе!) играютъ здѣсь значительную роль».

«Политическая экономія есть наука о материальныхъ интересахъ, она должна учить, какимъ образомъ эти интересы создаются, какъ они развиваются, какъ устроиваются». Такъ говоритъ Мишель Шевалье. (*Cours d'écon. politique fait au Collège en France*, edit. de Bruxelles, 1851, discours d'ouvert. de 1841—42. po 23).

«Политическая экономія изслѣдуетъ причины, по которымъ человѣческія общества богатѣютъ или бѣднѣютъ» (*Courcelles-Séneuil, Traité théor. et prat. d'écon. polit.* сочиненіе, разобранное въ *Indépend. belge*. 1858, № 281).

«Всякое постоянное проявленіе дѣятельности (говорить Розшеръ) съ цѣлью приобрѣсти имѣніе, фортуну, или извлечь изъ неї пользу называется *экономіею*. Два интеллектуальныхъ дѣятеля обыкновенно побуждаются человѣкомъ къ этому проявленію дѣятельности: *личный интересъ и стремление къ миру высшему*.

«Общественный интересъ рождается изъ интереса личнаго и любви къ Богу.

«Общественный интересъ разрѣбается въ высший, хорошо устроенный организмъ называемый *публичною экономіею*.

«Наконецъ Политическая экономія есть изученіе законовъ развитія организма, именуемаго публичною экономіею, изученіе законовъ развитія экономической жизни народа» (Roscher, *Princ.*

d'écon. polit. trad. Wolowski. Paris, 1857. T. 1, table analyt.
ХСVIII.)

Сколько разнообразия въ определеніи одной и той же науки! Г. Кокалэнъ, творецъ извѣстнаго политico-экономическаго словаря, думаетъ однако, что по поводу этого разнообразия и не точности въ определеніи Политической экономіи, не нужно ни краснѣть, ни плакать, какъ это сдѣлали другое, не столь твердые мыслители, напр. Rossi—Г. Кокалэнъ думаетъ, что наука независима отъ ея определенія; что она не имѣеть ничего общаго съ этой *произвольной формулой*, которая можетъ быть болѣе или менѣе удачна, болѣе или менѣе точна. Напротивъ сама эта формула (*произвольная?*) должна уже, послѣ образования Политической экономіи, вылиться такъ сказать по образцу этой науки, уже дѣйствительно существующей. (Dict. d'écon. polit. Coquelin et Guillaumin, Paris, 1852. art. Econ. polit, p. 643).

Другими словами это значитъ, что Политическая экономія еще не существуетъ, какъ наука; а г. Воловскій думаетъ, что она существуетъ если не отъ сотворенія міра, то по крайней мѣрѣ отъ потопа!

Впрочемъ неудивительно, что мыслитель, понимающій определеніе науки, какъ *произвольную формулу*, думаетъ, что наука можетъ развиваться независимо отъ ея определенія. Мы однако подозрѣваемъ, не смѣшаль-ли онъ определенія науки съ ея названіемъ. Не хотѣль-ли онъ сказать, что наука можетъ существовать и развиваться независимо отъ того, какъ она называется. Напр. *геометрія*, вѣдь это рѣшительно *произвольная формула*, только служащая не для *определенія* науки, а для ея *названія*. Эта формула дѣйствительно совершенно не вѣдь къ этой наукѣ въ видѣ ея определенія—кто теперь подумаетъ назвать науку о величинѣ протяженія, искусствомъ измѣрять землю? Тѣмъ не менѣе наука такая, называемая геометріею, существуетъ, и нельзя дѣлать ея определенія въ видѣ формулы произвольной; и еслибы такого определенія нельзя было выразить въ какой-нибудь формулы не произвольной, это бы значило, что такая наука не существуетъ.

Тотъ же мыслитель и въ той же статьѣ словаря утѣшаетъ себя въ томъ, что существующія до сихъ поръ определенія Политической экономіи небольше, какъ произвольныя формулы, слѣдующимъ изрѣченіемъ: «тѣмъ хуже для писателей, обрабатывающихъ извѣстную отрасль человѣческаго знанія, если они еще не могли схватить общей дланой этого знанія, и облечь ее въ удачное выраженіе, но это никадо не искаляетъ основанія истинъ, которыя предстоитъ имъ изложить».

Несмотря однако на приведенный авторитетъ, мы не рѣшаемся почигать определеніе Политической экономіи за формулу производильную:—мы напротивъ думаемъ, что эта формула не должна заключать въ себѣ ничего произвольнаго. По нашему мнѣнію, она должна заключать въ себѣ точную характеристику науки, опредѣлять ясно и непроизвольно самый предметъ науки, опредѣлить ея основныя начала; формула эта на мѣсто того, чтобы быть произвольной, должна быть также разумно необходима, какъ разумно необходимы сами начала науки. А если такъ, то мы не можемъ ни утѣшиться, ни удовольствоваться изрѣченіемъ: «тѣмъ хуже для писателей, если ихъ определенія Политической экономіи произвольны». Мы думаемъ, что, въ такомъ случаѣ, гдѣ хуже для самой науки. Мы думаемъ, что произволъ и не точность определенія Политической экономіи имѣютъ одну изъ двухъ причинъ: или понятія мыслителей объ этой наукѣ произвольны, неточны и шатки, или сама Политическая экономія не имѣетъ твердаго основанія, лишена содержанія; она, вмѣсто того, чтобы заключать въ себѣ изложеніе непреложныхъ законовъ, на которыхъ по разумной необходимости, основывается извѣстный рядъ явлений человѣческой жизни, есть не болѣе, какъ собраніе формулъ и положеній, совершенно произвольныхъ.

Мы никакъ не можемъ принять этой второй части диллеммы; поэтому, сдѣлавъ самыя краткія замѣчанія на приведенныя определенія Политической экономіи, мы попробуемъ, нельзя ли согласить между собою находящихся въ нихъ противорѣчій, нельзя ли отыскать настоящаго содержанія Политической экономіи, и въ

ся определение, на место формулы произвольныхъ, нельзя-ли поставить формулы разумно-необходимой.

Разматривая определение Политической экономии, сдѣланное А. Смію, не остановимся на томъ, что онъ видитъ въ ней собственно не науку, а собраніе известныхъ правилъ, по которымъ законодатель и администраторъ должны поступать для достижения известной цели. Насъ больше поражаетъ сама цѣль, которой по А. Смію долженъ достигать государственный человѣкъ: это—доставить народу *хорошій доходъ и средства содержания*. Если даже формула А. Смія придать видъ болѣе научный и сказать, что Политическая экономія есть изложеніе непреложныхъ законовъ, на основаніи которыхъ въ человѣческихъ обществахъ получается доходъ и приобрѣтаются средства содержания, то и тогда въ ней будетъ заключаться противорѣчіе. А. Смію не замѣчалъ еще, что природа вещей требуетъ, чтобы человѣкъ въ обществѣ удовлетворялъ свои потребности, добывая средства содержанія, а промышленность стремится единственно къ получению дохода; онъ не замѣчалъ, что эти два интереса совершенно и діаметрально другъ другу противоположны. Да впрочемъ, въ этомъ отношеніи со временемъ А. Смія наука не сдѣзала почти ни шагу: — большинство экономистовъ еще и теперь или не замѣчаетъ этого противорѣчія или отвергаетъ его существование и такимъ образомъ, по невольѣ вводятъ въ свои ученія двойственность и внутреннія противорѣчія. Въ другомъ мѣстѣ (Экономистъ 1859 г. кн. VI.) мы уже старались указать на это противорѣчіе нормального интереса человѣка, составляющаго настоящее содержаніе науки, съ практикою жизни; въ настоящемъ разсужденіи мы разсмотримъ этотъ предметъ подробнѣе, постараемся указать на это противорѣчіе точнѣе, потому что отъ его разрѣшенія зависятъ успѣхъ науки и общественной жизни.

Для того, чтобы определение Ж.-Б. Сэя было полно, къ нему нужно добавить, что Политическая экономія изслѣдуется непреложные законы (а не способы), по которымъ въ человѣческихъ обществахъ богатство должно производиться, рас-

предѣляться и потребляться, для того, чтобы эти дѣйствія имѣли результатомъ благосостояніе всѣхъ безъ исключенія членовъ общества. Разматривать способы, по которымъ эти явленія совершаются въ теперешнихъ обществахъ, значить не болѣе, какъ описывать факты, вовсе ихъ не характеризуя и не подвергая никакому критеріуму. Такой образъ наблюденія фактовъ не можетъ составлять науки. — Моглибы существовать Физіология какъ наука, еслибы ученые, изслѣдующіе законы тѣлеснаго организма, ограничивались однимъ наблюденіемъ всѣхъ фактовъ и явленій этого организма, не повѣряя ихъ критеріумомъ органическаго благосостоянія, здоровьемъ, и не отбѣля фактами необходимыхъ, нормальныхъ, имѣющихъ результатомъ здоровье, отъ фактами необходимыхъ, но аномальныхъ, имѣющихъ результатомъ болѣзнь. Иritомъ въ это определеніе Сэя надобы включить точное определеніе закона и богатства.

Вникнувъ подробнѣе въ экономическое ученіе Сэя, приходится встрѣтиться съ тѣмже внутреннимъ противорѣчіемъ, которое мы замѣчали у Смія,—Сай, равно какъ и Смію, смѣшиваетъ стремленіе къ получению дохода съ законнымъ интересомъ удовлетворенія потребности.

Тоже должно сказать и объ определеніи Шторха. — Но что сказать объ определеніи Политической экономіи сдѣланномъ профессоромъ Молинари? Что это за наука, которая *описываетъ*, и притомъ, который описывается однажды общественный организмы, другой разъ общественный механизмъ: что это за общественная анатомія и вмѣстѣ общественная физіология? Неужели изъ этого должно заключить, что почтенный профессоръ смѣшиваетъ одно съ другимъ и принимаетъ одно за другое два понятія столь различныя, какъ *механизмъ* и *организмъ*. Можно ли смѣшивать анатомію съ физіологіею, да притомъ можно ли сказать, что эти двѣ науки ограничиваются только описаніемъ чѣгобы то иными? Разумѣется, всякий организмъ предполагаетъ и механизмъ, въ органическомъ недѣламъ проявляются и законы механизма; но наука не должна и не можетъ ограничиваться однимъ *описаніемъ* механизма: она именно должна оци-

сывать эти законы.—Въ настоящемъ состояніи науки даже анатомія человѣческаго организма не ограничивается описаниемъ его составныхъ частей, его органовъ, но изслѣдуетъ законы самого построенія этихъ органовъ, этого механизма человѣческаго тѣла, и даже отступлениа отъ этихъ законовъ; что и породило науки сравнительной и патологической анатоміи.

Поясняя свое опредѣленіе, г. Молинари говоритъ: «Предметъ Политической экономіи составляетъ рѣшеніе вопросовъ, какимъ образомъ общество образуется, дѣйствуетъ, блаженствуетъ или приходитъ въ упадокъ, посредствомъ какого механизма средства содержанія доходятъ до всякаго его члена, въ какихъ условіяхъ и при помощи какихъ дѣятелей производится эти средства содержанія?»

Изъ этихъ словъ, впервыхъ, слѣдуетъ заключить, что почтенный профессоръ въ дѣлѣ образования человѣческихъ обществъ допускаетъ участіе произвола. Онъ говоритъ: Общество *образуется* (*se constitue*), совершенно такъ говорится объ образованіи какого — нибудь общества на акціяхъ. При такомъ взглядеѣ, разумѣется, всякая опредѣленія Политической экономіи будутъ не бывыше, какъ произвольныи формулы: въ существованіи Политической экономіи какъ науки, разумѣется нечего и думать. Сколько обществъ, составившихся *произвольно*, столько и *принятыхъ произвольно* условій ихъ существованія и дѣятельности, столько и различныхъ родовъ Политическихъ экономій. А много ли можно *придумать* или найти родовъ Геометріи? Во вторыхъ, профессоръ Молинари говоритъ, что задача Политической экономіи, между прочимъ, состоитъ и въ рѣшеніи вопроса посредствомъ какого *механизма* средства содержанія доходятъ къ членамъ общества. Можно ли самый важный актъ общественной жизни объяснить *ходомъ* (*Gang*) механизма?

Наконецъ, при внимательночъ изслѣдованіи этого опредѣленія, нельзя не замѣтить видимаго противорѣчія между начальными словами почтеннаго профессора, по которымъ устройство человѣческихъ обществъ приписывается произволу, гдѣ въ самомъ общественномъ устройствѣ видѣнъ не боаѣ, какъ механизмъ,

и между словами, оканчивающими его periodъ. Онъ говоритъ: «Предметъ Политической экономіи, между прочимъ, состоитъ и въ рѣшеніи вопроса: подъ влияніемъ какихъ естественныхъ законовъ совершаются въ обществѣ распределеніе средствъ содержанія между всѣми участвовавшими въ ихъ произведеніи.» Если подъ именемъ *естественныхъ законовъ* разумѣются здесь *непреложные, неподлежащие человѣческому произволу, на природѣ вещей основанные законы*, по которымъ должныбы въ человѣческихъ обществахъ совершаться производство, распределеніе и потребленіе богатства, то очевидно конецъ приведенного periodа находится въ противорѣчіи съ его началомъ гдѣ допускается произволъ и механизмъ въ построеніи человѣческихъ обществъ. Но, кроме того, если подъ именемъ *естественныхъ законовъ*, о которыхъ говорятъ г. Молинари, разумѣть непреложные законы, о которыхъ говоримъ дальше мы, то необходимымъ следствиемъ проявленія этихъ законовъ въ жизни общества должно бы было быть благосостояніе, а его въ теперешнихъ обществахъ нетъ; следовательно, явно, что, подъ именемъ естественныхъ законовъ, г. Молинари разумѣеть не тѣ, о которыхъ говоримъ мы. Подъ именемъ естественныхъ законовъ, онъ очевидно понимаетъ тѣ основанія, на которыхъ производится промышленность въ обществахъ теперь существующихъ. Овъ, очевидно, теперешній образъ производства промышленности, теперешнія условия экономической жизни, считаются *нормальными*, сообразными съ человѣческою природою. Впрочемъ для оценки общественно-экономическихъ явлений у него, какъ и другихъ мыслителей того же направленія, нетъ никакого критеріума, кроме человѣческаго утвержденія, что эти явленія *необходимы*, а следовательно и *нормальны*. Мы впослѣдствіи укажемъ всю неправильность подобного заключенія, составляющаго главную причину неразрѣшимаго внутрен资料的 противорѣчія, лежащаго въ основаніи ученія, которому вмѣстѣ со многими другими учеными слѣдуетъ г. Молинари; теперь только замѣтимъ, что въ его опредѣленіи Политической экономіи нельзя не видѣть того легкаго и скораго способа рѣшать всѣ во-

просы науки и отдаливалась отъ затруднений посредствомъ кра- спорѣчивыхъ и остроуяныхъ фразъ, который такъ часто употребляется (и съ успѣхомъ!) французскими учеными, и котораго блестательный образецъ явилъ г. Воловскій на брюссельскомъ конгрессѣ о литературной и артистической собственности въ знаменитомъ своемъ изрѣченіи «о приложеніи духа къ матеріи», и посредствомъ котораго онъ лишилъ интеллектуальныхъ дѣятелей ихъ собственности.

Объ опредѣленіи Политической экономіи Мишеля Шевале, должно сказать, что оно совершенно похоже на опредѣленіе г. Молинари. «Политическая экономія есть наука о материальныхъ интересахъ». Кратко, громко и благозвучно, но довольно темно. Что такое материальные интересы? Мы думаемъ, что материальные интересы человѣка, вовсе будто бы отличные отъ его интересовъ нравственныхъ и духовныхъ не существуютъ. Всѣ интересы и потребности человѣка, какъ существа цѣлостнаго и нераздѣльного, сливаются въ понятіи интересовъ *человеческихъ, гуманныхъ* (если можно такъ выразиться). Очевидно, М. Шевале былъ пораженъ бросающимъ въ глаза противорѣчіемъ, между требованіями нравственности и справедливости (составляющими, по его понятію, нравственные интересы человѣка), и явлениями промышленности (заботящейся, тоже по его мнѣнію, единственно объ удовлетвореніи материальныхъ интересовъ человѣка). Но, признавая однажды эти явленія и условія тспершней промышленной дѣятельности совершенно нормальными, придумалъ для нихъ название материальныхъ интересовъ, и старался примирить начала столь непримиримыя, какъ требованія справедливости и нравственности, и условія тспершнаго образа производства промышленности, даже на счетъ достоинства науки говоря, въ одномъ мѣстѣ, что она, иѣкоторыхъ положеній не должна изслѣдоватъ, а должна передъ ними преклоняться безпрекословно, какъ *покорная служанка*. Даѣте замѣтимъ, что никакая наука не имѣть задаче *учить*; это дѣло *учителей*. На основаніи закона раздѣленія занятий мы требуемъ, чтобы допущено было различіе между *ученою* и *учебною* дѣятельностью.

Наука должна изслѣдоватъ законы бытія, и изслѣдованные законы излагать въ системѣ. Если слова почтенаго профессора французскаго коллегіума принять за непретъжную истину, то изъ нихъ должны заключить, что во Франціи Политическая экономія или вовсе не существуетъ, или плохо исполняетъ свое дѣло, такъ какъ до сихъ поръ, она не *научила* тамъ кого слѣдуетъ избавиться отъ злорѣдной покровительственной системы.

Раздѣленіе Политической экономіи на рациональную или практическую, сдѣланное Россіи, показываетъ ясно, что этотъ ученый не въ силахъ быть разрѣшить противорѣчій, встрѣчающихся на каждомъ шагу между положеніями, требуемыми чистымъ разумомъ и фактами промышленности. И онъ не могъ разрѣшить этихъ противорѣчій именно потому, что не хотѣлъ отказаться въ разумности фактамъ наиѣнѣй промышленности; а какъ многіе изъ этихъ фактовъ видимо противорѣчатъ требованіямъ разума, нравственности и справедливости, то ему не оставалось другого средства, какъ прибѣгнуть къ фактамъ, такъ имъ названнымъ вѣнчаниемъ, народности, времени, пространству и т. д. нормально будтобы измѣняющимъ выводы чистой науки. Какъ будтобы эти выводы могутъ быть дѣляемы вѣкъ времени и пространства!

Курсель-Сенейль раздѣляетъ тоже Политическую экономію на теоретическую и практическую, и по тойже побудительной причинѣ, что и Россіи. Только онъ приписываетъ этой науки роль совершенно второстепенную, заставляя ее лишь изслѣдоватъ причины, по которымъ народы богатѣютъ или бѣдѣютъ. Молинари уподобляетъ Политическую экономію физіологіи, на основаніи же опредѣленія Курсель-Сенейля ее нужно уподобить едва патологической діагностикѣ.

Хотя въ опредѣленіи Политической экономіи Рожера находится много истиннаго, но оно имѣть одинъ большой недостатокъ — темноту изложения. Дѣйствительно Политическую экономію можно назвать изслѣдованіемъ и собраніемъ *законовъ развитія* экономической жизни общества. Но, впервыхъ, Рожерь не говоритъ, что должно понимать подъ именемъ этихъ законовъ. Если подъ ними нужно понимать непреложные законы, разумно — необходимо

мые нормы, по которымъ должно совершаться развитіе экономической жизни, то необходимыиъ слѣдствіемъ проявленія и присутствія этихъ нормъ въ общественной жизни должныбы быть благосостояніе, котораго въ теперешнихъ обществахъ нѣтъ; а между тѣмъ Рошеръ признаетъ главнейшія условія этой жизни нормальными. Вовторыхъ, опредѣленіе свое онъ выводить путемъ довольно сложнымъ, онъ даже упоминаетъ о какихъ-то наукахъ: *Поліції* и *камеральной науки*, и какъ мы сказали, само его изложеніе довольно темно. Какимъ наприм. образомъ общественный интересъ можетъ разрѣшиться въ высшей организаціи, именуемой *публичной экономіею*, мы рѣшительно не понимаемъ, такъ какъ не понимаемъ возможности существованія наукъ *поліції* и *камеральной науки*. Рошеръ еще не опредѣляетъ значение слова *развитіе*. Развитіе мы понимаемъ, какъ нормальную замѣчу первоначальныхъ формъ существованія, свойственныхъ эмбрионическому и юлдѣческому возрасту органическаго существа, формами болѣе совершенными, приличными возрасту взмужалому. Это развитіе физиологическое. Но есть и другое развитіе юлдѣческаго организма — это постепенное его избавленіе отъ болѣзняныхъ проявленій, *выздоровливаніе*. Рошеръ не говоритъ, какое развитіе имѣть онъ въ виду въ своемъ опредѣленіи. Онъ, наравнѣ съ другими учеными, теперешнія условия экономической жизни обществъ, признаетъ нормальными (хотя и допускаетъ возможность общественной болѣзни); отсюда, въ третьихъ, у него замѣчается, общія ему съ другими учеными, мнѣнія которыхъ мы разбирали, невозможность разрѣшить внутреннія противорѣчія между наукой и критикою, необходимость, подъ опасеніемъ упрека въ испознотѣ изложенія, вводить эти нераразрѣшенныя противорѣчія въ свое опредѣленіе. Поэтому, у него, какъ и другихъ ученыхъ, видно напряженное стараніе какъ-нибудь склеить начала, совершенно разнородныя и находящіяся между собою въ совершенномъ противорѣчіи, связать ихъ механически, безъ всякой заботы о томъ, пристануть ли они другъ къ другу. Оттого, у него интересъ общественный рождается изъ интереса частнаго и любви къ Богу. Въ высшей

степени любопытно было бы знать, какимъ образомъ частный интересъ винаго откупщика, необузданнаго спекулятора, ажіотёра, ростовщика, торговца спіумомъ, уладится съ любовью къ Богу, и какимъ образомъ изъ этихъ ладовъ рождается интересъ общественный?

Нельзя однако не сказать, что взглядъ Рошера на общественную жизнь ближе всѣхъ, нами до сихъ поръ разобранныхъ, подходитъ къ истинному. Это мы-заключаемъ изъ слѣдующихъ его словъ: «Такъ какъ публичная экономія есть организмъ, то представляемыя этимъ организмомъ пертурбациіи имѣютъ въкоторое сходство съ болѣзнями тѣлеснаго организма. Поэтому, терапевтическое вмѣшательство бываетъ полезно для усиленія лечебной силы природы, когда она слишкомъ слаба, для ея умѣренія, когда она слишкомъ энергична, и наконецъ для управления ея, когда она уклоняется отъ нормального пути.» Цѣлая бездна находится между этимъ взглядомъ на общественный организмъ и заносчивыми сужденіями Бастіа и Молинари о томъ, что промышленность сама себѣ служить регуляторомъ. Гдѣ есть организмъ, тамъ есть непреложные законы существованія и отправленій этого организма; если этотъ организмъ свободно-разумный, то онъ предполагаетъ и возможность отступленія отъ этихъ непреложныхъ законовъ, возможность пертурбаций органическихъ отправленій, возможность болѣзни; а болѣзнь очень рѣдко можетъ исчезнуть сама собою, особенно если болѣй не понимаетъ ея причины, ни симптомовъ, или если даже не хочетъ сознаться въ томъ, что онъ боленъ.... Отъ этого мыѣнія Рошера одинъ шагъ до раціонального взгляда на Политическую экономію. Стоить только увидѣть, что факты, не укладывающіеся подъ идею, находящіеся въ противорѣчіи съ разумными законами жизни, составляютъ именно причину болѣзни общественнаго организма, и тогда, при опредѣленіи Политической экономіи не надо будетъ прибѣгать къ механическому соединенію фактovъ и началъ, находящихся въ рѣшительномъ между собою противорѣчіи.

Можетъ быть, сдѣланный здѣсь разборъ опредѣленій Политической экономіи покажется слишкомъ краткимъ, но обширный-шій по вѣльбы наасъ къ подробному разбору всѣхъ почти положеній различныхъ экономическихъ доктринъ, заключающихся въ курсахъ, трактатахъ и другихъ сочиненіяхъ экономистовъ, что несообразно ни съ размѣромъ настоящаго разсужденія, ни съ его цѣлью. Мы имѣли только въ виду напомнить о существующихъ разногласіяхъ въ опредѣленіи Политической экономіи, указать на причину этихъ разногласій и предложить проектъ опредѣленія, по нашему мнѣнію, болѣе раціональнаго.

Взявъ на себя эту послѣднюю задачу, мы предвидѣли упреки какъ въ безполезности отвлеченныхъ изслѣдований, такъ и въ нашей дерзости браться за рѣшеніе вопроса, который не совсѣмъ удачно рѣшили авторитеты науки. Но, впервыхъ, мы полагаемъ, что точное опредѣленіе Политической экономіи не такъ безполезно, какъ кажется. Если намъ удастся, на мѣсто произвольныхъ формулъ поставить ясное, категорическое, изъ сущности предмета истекающее опредѣленіе науки, мы полагаемъ, что отъ этого наука нимало не потеряетъ. Да пригомъ и изслѣдованіе принциповъ Политической экономіи не можетъ быть названо безполезнымъ. Самъ М. Шевалье, не смотря на свой консерватизмъ, видѣтъ неточность теперешнихъ основаній науки и несостоительность теперешнихъ экономическихъ условій общества; онъ требуетъ организаціи труда, ассоціаціи, а между тѣмъ отвергаетъ всякое изслѣдованіе, всякую критику иѣкоторыхъ изъ экономическихъ условій, предѣ которыхъ приказывается наукѣ преклоняться. Кто не видитъ, что сущность организаціи труда, формула, на которой эта организація должна быть основана, можетъ быть, найдена не иначе, какъ посредствомъ раціональнаго изслѣдованія принциповъ. Тоже должно сказать и объ ассоціаціи. Относительно же упрека въ дерзости браться за рѣшеніе вопроса, не совсѣмъ удачно разрѣшенного авторитетами, мы полагаемъ, что онъ неоснователенъ. Упрекъ этотъ могъ бы еще быть сдѣланъ тогда, когда было принято *jus age in verba magistri*; но въ наше время, когда «ipse dixit» не прививается

уже за доказательство, всякому позволительно разбирать и по-вѣрять мнѣнія какихбы то ни было авторитетовъ, и на мѣсто мнѣній неоснователеныхъ предлагать другія. Впрочемъ, если и есть дерзость, въ этомъ случаѣ, то она можетъ быть оправдана и извинена, если предложенія мнѣнія найдутся основательными. Для вѣрийшаго отклоненія отъ себя упрека въ дерзости, мы приведемъ еще одно обстоятельство. Въ административныхъ присутственныхъ мѣстахъ, устроенныхъ коллегіально, собирание мнѣній для составленія рѣшенія, начинается съ младшихъ членовъ. Допустивъ, что необходимо составить рѣшеніе обѣ опредѣленіи Политической экономіи, мы подаемъ мнѣніе прежде другихъ, какъ членъ *самый младший*.

Предпринимая сдѣлать опредѣленіе Политической экономіи, какъ науки, мы не намѣрены прибѣгать къ метафизическимъ соображеніямъ: предметъ позволяетъ намъ не выходить изъ области явленій. Для того, чтобы правильно рѣшить вопросъ: что такое Политическая экономія, мы сперва рѣшимъ другой: что такое наука вообще? Подъ именемъ науки, мы понимаемъ сперва дѣятельность человѣческаго разума, проявляющуюся по самой природѣ этого разума, направленную на міръ вѣшний и на самого человѣка, и имѣющую результатомъ сознательное воспріятіе явленій происходящихъ какъ въ мірѣ вѣшнемъ, такъ и въ самомъ человѣкѣ, а также сознательное воспріятіе непреложныхъ законовъ, на которыхъ эти явленія основаны. Вовторыхъ, самъ результатъ этой дѣятельности человѣческаго разума, добыча, которую разумъ приобрѣтаетъ посредствомъ своей дѣятельности, собраніе истинъ, называется также наукою. Истина, въ обширномъ смыслѣ, мы называемъ воспріятіе человѣческимъ сознаніемъ бытія такимъ, какъ оно существуетъ дѣйствительно—обыкновено—истина заключается въ известныхъ положеніяхъ и формулахъ, выражающихъ такое воспріятіе. Бытіе мы понимаемъ, какъ совокупность явленій, происходящихъ не случайно и отрывочно, но основанныхъ на внутренней необходимости существованія известныхъ, опредѣленнымъ образомъ. Разматриваемое такимъ образомъ бытіе представляется нашему сознанію въ различныхъ от-

дѣлахъ, изъ которыхъ главнѣшіе: человѣкъ и мѣръ виѣшній. Всѣ отдељы бытія, со всѣми ихъ разнообразными явленіями, могутъ быть предметомъ дѣятельности человѣческаго разума—науки. Такимъ предметомъ можетъ быть и человѣкъ. Человѣкъ по своей природѣ существо цѣлостное и нераздѣльное, но въ области человѣчества, по разнообразію его природы, происходятъ различныя явленія. Всякое изъ этихъ явленій, или всякая группа этихъ явленій, можетъ быть предметомъ отдельной науки.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ явленій человѣческой природы мы изберемъ то, которое преимущественно составляетъ предметъ нашихъ изслѣдованій, всѣже прочія оставимъ въ сторонѣ. Человѣкъ, своему собственному сознанію представляется существующимъ въ двойственной формѣ, какъ недѣлимое и какъ общество. Подъ именемъ общества мы понимаемъ не произвольно и случайно составившійся аггломератъ недѣлимыхъ, но существенную, нормальную, независящую отъ произвола форму существованія человѣка на землѣ. (Мысль эту, которой придерживаемся не мы одни, постараемся впослѣдствіи доказать категорически). Такъ понимаемое общество составляетъ предметъ отдельной науки. Необходимость существованія человѣка въ формѣ общества условливаетъ собою возможность существованія науки, или отдельна наукъ, имѣющихъ предметомъ изслѣдованіе этой формы. Этотъ отдельъ имѣетъ название наукъ общественныхъ или соціальныхъ. Всякій недѣлимый человѣкъ, необходимо живущій въ обществѣ, по самой своей природѣ, имѣть потребности, требующія удовлетворенія. (См. Вернадскаго: «Очеркъ теоріи потребностей»). Удовлетворенія этого человѣка достигается въ обществѣ посредствомъ собственной дѣятельности. Такимъ образомъ, изъ области наукъ общественныхъ выдѣляется наука, имѣющая предметомъ человѣка въ обществѣ, какъ существо, надѣленное потребностями и способностью ихъ удовлетворенія посредствомъ собственной дѣятельности.

Такой простой взглядъ на науку, человѣка и общество, даетъ намъ возможность сдѣлать предварительное опредѣленіе Политической экономіи. Это есть наука, изслѣдующая непреложные

законы, по которымъ потребности недѣлимаго человѣка должны быть удовлетворены посредствомъ собственной его дѣятельности въ обществѣ, какъ необходимой формѣ его существованія на землѣ.

Для полноты этого опредѣленія надо подробнѣе разсмотрѣть его элементы сдѣлать опредѣленіе общества, закона, потребности человѣка и его дѣятельности, имѣющей результатомъ ихъ удовлетвореніе.

Человѣческое общество есть ли явленіе случаиное, зависящее отъ произвола, могущее быть или не быть; или наоборотъ, оно есть явленіе необходимое, неизбѣжное, нормальное, имѣющее основаніе въ сущности человѣческой природы? Если принять первое изъ этихъ положеній, то о наукахъ общественныхъ вообще, и о Политической экономіи въ особенности, какъ о наукахъ нечего и говорить. Всѣ онѣ обратятся въ собраніе мечтаній, произвольныхъ формулъ или пустыхъ фразъ. Но достаточно самого небольшаго размышенія для того, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого предположенія. Всѣ историческія наблюденія представляютъ намъ человѣка существующимъ въ обществѣ. Недѣлимый человѣкъ есть или мужчина или женщина, отдельно взятые; но, рассматриваемые такимъ образомъ, мужчина и женщина не мыслимы. Органическое, необходимое, нормальное, не-произвольное соединеніе мужчины и женщины составляетъ понятие человѣка, и вѣтъ первообразъ всякаго общества, первую его ступень, супружескій союзъ. Не распространяясь слишкомъ обѣ этомъ предметѣ, для доказательства истинности нашего взгляда, мы считаемъ достаточнымъ обратиться къ историческому опыту. Если начнѣтъ скажетъ, что люди соединились въ общество произвольно, для достижения какойбы то ни было цѣли, то мы спросимъ: гдѣ и когда? Мы думаемъ, что утверждать, что люди соединились въ общество произвольно, для достижения какихъ-либо цѣлей, все равно, что говорить, что руки, ноги, желудокъ, мозгъ, и т. д. соединились по договору и составили человѣка, для какойбы то ни было цѣли. Какъ недѣлимый человѣкъ, если онь не уродъ, родился весь въ цѣломъ составѣ чле-

новъ и органовъ, такъ и общество вышло изъ рукъ природы цѣлостно во всемъ составѣ его органовъ. Во всякомъ родившемся органическому существѣ, всѣ его органы съ течеиємъ жизни развиваются и совершенствуются, иѣкоторые изъ этихъ органовъ существующіе въ возможности, появляются въ дѣятельности; въ этомъ состоитъ развитіе органическаго существа. Такой способностью развиваться одарено и общество. Изъ крошечнаго млекопитающагося, недѣлимое можетъ развиться въ сильнаго и мыслящаго человѣка, точно также и общество изъ супружескаго союза, способно развиться въ пивилизованное государство (Сравни Неволина: «Энциклоп. законов.»).

Если это мнѣніе справедливо, то всѣ политическія науки вообще, и Политическая экономія въ особенности, суть науки точныя, и онѣ не могутъ заключать въ себѣ никакихъ формулъ произвольныхъ. Онѣ должны изслѣдоватъ непреложные законы, на которыхъ по разумной необходимости основано существование общества въ его дѣятельности.

Что же должно разумѣть подъ именемъ закона? Общее употребленіе придаетъ этому слову значеніе какой-либо формулы или правила, данныхъ виѣшнею силою и опредѣляющими извѣстный образъ существованія и дѣятельности. Такъ напр. подъ именемъ *закона физического* разумѣется обыкновенно какая-нибудь формула, выражющая отношенія, существующія между физическими явленіями; подъ именемъ *закона юридического* обыкновенно разумѣется правило или собраніе правилъ, изданныхъ верховною властью и обязательныхъ для членовъ государства.

Професоръ О. М. Новицкій, въ своей Психологіи, опредѣляетъ законъ, какъ «согласіе человѣческой свободы съ необходимою, существующею въ мірѣ вслѣдствіе воли Творца».

Ш. Контъ (*Traité de la législation*) опредѣляетъ тоже сущность юридического закона. Изъ его опредѣленій, довольно впрочемъ гемнаго «законъ есть сила, состоящая изъ различныхъ элементовъ» надо заключить, что онъ не принимаетъ юридического закона за собраніе правилъ, но тѣмъ не менѣе, онъ законъ этотъ почитаетъ силою виѣшнею, опредѣляющею или усло-

вивающею собою извѣстнаго рода дѣятельность. (Это положеніе развивается въ цѣломъ приведенномъ сочиненіи Ш. Кonta). Къ такого рода силамъ принадлежатъ: какъ положительные, законы, такъ равно и обычай, климатъ, и т. д.

Г. Монзоловскій (Атеней 1859 г. № 4) опредѣляетъ законъ такъ: «законъ, проявляющій себя во всякой живой натурѣ, есть сила; онъ есть потенція развитія и дѣятельности, потенція, очевидно нераздѣльная отъ самаго развитія, такъ, чтобы служила ему правиломъ, чѣмъ то виѣшнімъ, но составляющая само это развитіе, понимаемое въ своей сущности. Какъ есть сущность вещей, такъ есть и сущность дѣятельностей и эта-то сущность дѣятельности и составляетъ ея законъ».

Основное положеніе этого опредѣленія мы принимаемъ за истинное. Постараемся обобщить его, развить и изложить сообщно нашему предмету.

Хотя пониманіе закона, какъ формулы или правила, данныхъ извѣтѣ, или какъ виѣшней силы, условливающей собою извѣстный образъ дѣятельности не можетъ выдержать строгой критики, тѣмъ не менѣе, въ особенности законъ юридической, и теперь еще часто понимается и опредѣляется, какъ правило, опредѣляющее дѣятельность людей, живущихъ въ государствѣ, несмотря на то, что правила такія очень часто составляются видимое отступленіе отъ истиннаго закона. Надо однако же замѣтить, что эти формулы и правила, хотя сази по себѣ и не составляютъ закона, но если они выведенны и составлены удачно и вѣрно, если выражаютъ результатъ точнаго наблюденія дѣятельности, то служить как-бы виѣшнею оболочкою закона, подъ которой сознаніе наше его удобнѣе понимаетъ.

Заключенія разума, наравнѣ съ историческимъ опытомъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что всѣ явленія міра совершаются въ извѣстномъ, опредѣленномъ порядкѣ, опредѣленнымъ способомъ, въ извѣстной послѣдовательности, въ необходимой между собою связи, въ извѣстной другъ отъ друга зависимости. Этотъ опредѣленный, непреложный порядокъ существованія и дѣятельности называется *закономъ*.

Законъ, какъ проистекающая изъ самой природы вещей необходимость существованія и деятельности извѣстныхъ опредѣленными образомъ, проявляется и можетъ быть замѣченъ во всѣхъ отдалахъ мира. Поэтому законъ бываетъ *физический, органический и нравственный*.

Замѣчено давно, что камень, или другое тѣло, падая съ извѣстной высоты, тѣль сильнѣе ударяетъ въ другое тѣло, чѣмъ больше масса этого падающаго камня и чѣмъ больше высота паденія; что всякое падающее тѣло стремится къ центру земли опредѣленною скоростью. Изъ этихъ опытовъ умъ человѣческій сдѣлалъ заключеніе: 1) что всѣ тѣла, при ихъ паденіи, стремятся къ центру земли движениемъ равно-ускореннымъ, 2) что количество движенія тѣла равно его массѣ, помноженной на скорость, 3) пространство пройденное въ какое-нибудь время равно скорости, умноженной на время, 4) скорость равна частному изъ пространства на время и т. д.

Всѣ элементы такого явленія, какъ паденіе тѣль или вообще движеніе, существуютъ въ порядкѣ, до того опредѣленномъ и необходимомъ, находятся въ такой однѣ отъ другаго зависимости, что ихъ можно предвидѣть, опредѣлить величину одного изъ нихъ посредствомъ извѣстной величины другихъ.

Призѣръ подобной необходимости существованія извѣстныхъ опредѣленныхъ порядкомъ, подобной зависимости однихъ явленій отъ другихъ, можно видѣть и при наблюдении явленій химическихъ. Кто не знаетъ, что напр. потасцій необходимо соединяется съ кислородомъ и то всегда въ однай и той же пропорціи.

Въ физикѣ и химії эта необходимость, эта постоянная зависимость однихъ явленій отъ другихъ, выражается математическими формулами. Было даже время, когда мыслители, пораженные доказаніями химического сродства, приписывали ихъ произвольному выбору тѣль, или волѣ духовъ. Теперь, явленія эти объясняются закономъ, внутреннею, изъ природы самыи физическихъ тѣль, проистекающею необходимостю существованія извѣстныхъ, опредѣленныхъ образомъ.

Если взмѣнять во вниманіе органическую природу вообще и человѣческій организмъ въ особенности, и тамъ сознанію нашему представится такаяже необходимость существованія извѣстныхъ опредѣленныхъ порядкомъ, такаяже послѣдовательность и взаимная другъ отъ друга зависимость явленій. Кому теперь неизвѣстно обращеніе крови, постоянная убыль съ наружной стороны и постоянное приращеніе изъ внутри костей и мускуловъ, кому неизвѣстны послѣдствія отъ поврежденій организма внезапными перемѣнами температуры, введенія въ пищеварительный снарядъ или въ кровь ядовъ, введенія между мускуловъ постороннихъ, острыхъ тѣль. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы можемъ поставить органическій законъ, необходимость существованія организма и его отправлений извѣстнымъ, опредѣленнымъ порядкомъ. Этую необходимость также можно выразить въ извѣстныхъ формулахъ, собраніе которыхъ составляетъ анатомію и физіологію. Изъ этой необходимости выводятся даже правила, опредѣляющія въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствія органическаго существа, собраніе которыхъ, составляетъ гигіену и медицину. Тѣль не можетъ, кто не видитъ, что ни физіологіческія формулы, ни гигіеническія и медицинскія правила не составляютъ органического закона, и что законъ этотъ есть сама необходимость существованія извѣстныхъ порядкомъ, находящимся въ природѣ самого организма, и никакимъ образомъ отъ него неотдѣлимая.

Въ существахъ органическихъ начинается хотя слабое проявленіе сознанія и воли. Высшая степень, на землѣ возможная, такого проявленія замѣчается въ человѣкѣ. Мы не будемъ входить въ подробныя метафизическая изслѣдованія духовной природы человѣка, замѣтиль о ней только то, что необходимо для нашего предмета. Человѣкъ есть физическое тѣло, онъ есть существо органическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, въ степени гораздо высшей, нежели въ другихъ органическихъ существахъ, проявляются сознаніе и воля, силы и способности, составляющія характеръ духовнаго, свободно-разумнаго существа. Эти три характера: тѣла физического, существа органическаго и свободно-разумнаго въ человѣкѣ тѣсно соединены и въ отдѣльности немыс-

лимъ. Поэтому, въ человѣкѣ проявляются законы физическіе, химическіе и органическіе; но кромѣ того въ немъ, какъ существѣ нравственномъ, свободно-разумномъ, проявляется законъ, который мы назовемъ *нравственнымъ*. Неволинъ (въ Энциклопедіи: законовѣдѣ) нравственный законъ опредѣляетъ, какъ «правило, опредѣляющее дѣятельность человѣка, какъ существа нравственнаго, съ которымъ онъ долженъ согласоваться, если не хочетъ отказаться отъ характера существа нравственнаго». Опредѣленіе это представляеть нравственный законъ, какъ *внѣшнее правило*, да и со второю его частью нельзѧ вполнѣ согласиться. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ никогда не можетъ отказаться отъ своего характера существа нравственнаго; характеръ этотъ проистекаетъ изъ самой сущности его природы и состоить въ его произвола. Мы, подъ именемъ нравственнаго закона, понимаемъ: внутреннюю необходимость, лежащую въ природѣ нравственнаго существа, существованія и дѣствованія извѣстнымъ, опредѣленнымъ, сообразнымъ съ характеромъ нравственнаго существа образомъ.

Прежде, чѣмъ идти дальше въ развитіи понятія нравственнаго закона, замѣтимъ, что законы физическіе и химическіе проявляются въ тѣлахъ безсознательно, и физическая тѣла невольно подчиняются этимъ законамъ, но не могутъ ни ихъ сознавать, ни противиться имъ вліянію. Въ существахъ органическихъ проявленіе закона органическаго сопровождается вѣкоторою степенью сознанія и воли, выражающеюся въ произвольности движений, въ соединеніи половъ и т. д. Въ человѣкѣ, рассматриваемомъ какъ существо нравственное, свободно-разумное, замѣчается высшая, въ сравненіи съ другими существами, степень сознанія и воли. Поэтому, и проявленіе въ человѣкѣ законовъ физического, органическаго и нравственнаго сопровождается самою высшею на землѣ степенью участія сознанія и воли. Участіе это проявляется положительно или отрицательно: человѣкъ можетъ сознавать или не сознавать закона; можетъ ему подчиняться, или до извѣстной степени уклоняться отъ закона подчиненія.

Само же понятіе закона, какъ необходимости существованія и дѣятельности извѣстнымъ, опредѣленнымъ способомъ, какъ не-

обходимости извѣстнаго сдѣленія явленій, известной ихъ последовательности и взаимной другъ отъ друга зависимости, предполагаетъ существованіе извѣстныхъ послѣдовательностей, происходящихъ *необходимо* отъ положительного или отрицательного участія сознанія и воли человѣка въ проявленіи закона. Человѣкъ и человѣчество можетъ сознавать или не сознавать закона, можетъ съ нимъ сообразоваться, проявлять его въ своихъ дѣйствіяхъ, или до извѣстной степени уклоняться отъ этого проявленія; но во всякомъ случаѣ *необходимо* испытывать *послѣдствія* своего сознанія или несознанія закона, подчиненія ему или его отрицанія въ своихъ дѣйствіяхъ. Послѣдствіе сознанія закона человѣкомъ и человѣчествомъ есть *истина*, послѣдствіе несознанія *заблужденіе*. Проявленіе закона въ дѣятельности человѣка и человѣчества есть *добро*, его послѣдствіе *благосостояніе*; отрицаніе закона въ дѣятельности человѣка или человѣчества есть *ошибка* или *преступленіе*, ихъ послѣдствіе есть *страданіе*.

Здѣсь необходимо опровергнуть два мнѣнія довольно распространенные между занимающимися политико-экономическими изслѣдованіями, и служащія поводомъ къ многочисленнымъ неправильнымъ заключеніямъ въ науку.

Первое мнѣніе говоритъ, что такъ какъ Политическая экономія есть изслѣдованіе и собраніе законовъ экономической жизни общества, то она не должна разсматривать тѣхъ явленій, *которые должны быть*, но тѣ, которые *необходимо быгаютъ*. Придерживающіеся этого мнѣнія смышаютъ понятіе *необходимости* ея съ понятіемъ *нормальности*. Много есть явленій необходимыхъ, но не все они, потому только, что необходимы уже и нормальны. Наука, прежде всего, должна изслѣдовать явленія нормальные, строго характеризуя все явленія, отдѣлить нормальными отъ ненормальныхъ, и эти послѣднія, как-бы они необходимы ни были, оставлять на второмъ планѣ. Экономическая ненормальная явленія общественной жизни для экономиста должны быть только поясненіемъ и подтвержденіемъ закона, настоящаго предмета науки, котораго прямымъ выраженіемъ служатъ явленія экономически-нормальная. Въ этомъ отношеніи, явленія эко-

номическая могут быть сравнены съ явлениями организма. Попробуйте напр. между мыскулы живаго органическаго существа ввести острое постороннее тѣло. Отъ этого послѣдуютъ явленія *необходимыя*. Явленія эти будутъ совершаться въ послѣдовательности до того *необходимой*, что ее можно предсказать впередъ. Явленія эти необходимы, но ни мало не нормальны. Они могутъ составлять предметъ изслѣдованія науки, но этому изслѣдованию должно предшествовать или послѣдовать изслѣдование другихъ явлений, нормальныхъ, которымъ они служатъ поясненіемъ и подтвержденіемъ. Что сказать о томъ физиологъ, который, зачѣмъ въ организмѣ приливъ крови къ одному органу, красноту, воспаленіе и впослѣдствіи гноеніе, не видѣлъбы въ этихъ *необходимыхъ* явленіяхъ стремленія организма къ изверженію посторонняго тѣла, стремленія природы къ возстановленію *нормального* состоянія организма, но сами эти болѣзnenія явленія, потому только, что они необходимы, признавалъбы за нормальные, и болѣзnenіе состояніе организма, потому только, что оно необходимо, почиталъбы за состояніе нормальное, за здоровье. Впослѣдствіи мы укажемъ на такія экономическая явленія, дѣйствительно необходимыя, но причиняющія экономическое страданіе, и которыхъ, потому только, что они необходимы, почитаются за нормальные.

Другое мнѣніе, имѣющее связь съ предыдущимъ, слѣдующее.— Говорить: Политическая экономія должна изслѣдовать факты общественной жизни, относящіеся къ производству богатства, существующіе необходимо, но она, ни подъ какимъ видомъ, не должна заниматься окончательнымъ результатомъ экономическихъ явленій, *благосостояніемъ*. Она должна изслѣдовать законы экономической дѣятельности, но не должна заниматься результатомъ этой дѣятельности, благосостояніемъ, уже и потому, что благосостояніе, съ экономической точки зрѣнія есть сѣдѣствіе удовлетворенія потребности, а потребности нельзя опредѣлить съ математической точностью, а слѣдовательно и настоящее благосостояніе никогда не можетъ быть точно определено. Между тѣмъ, благосостояніе, какъ окончательный результатъ человѣческой дѣя-

тельности, есть единственный критеріумъ, по которому мы можемъ судить о нормальности этой дѣятельности.

Причина существованія этого мнѣнія очевидна. Его приверженцы, видя, что экономические факты, необходимые, которые они принимаютъ за нормальные, имѣютъ послѣдствіемъ экономическое страданіе, но, не желая отказаться отъ своего воззрѣнія, не соглашаясь признать этихъ фактовъ ненормальными, по неймѣ должны отвергать единственный критеріумъ, на основаніи которого можно бы оцѣнить эти явленія и факты. Мы уже замѣтили, что положительное или отрицательное исполненіе закона въ человѣчествѣ имѣть необходимо послѣдствіемъ благосостояніе или страданіе. И разумъ, и исторический опытъ убѣждаетъ насъ въ основательности этого мнѣнія. Для внимательнаго наблюдателя, вся история человѣческихъ обществъ, есть ничто иное, какъ длинный списокъ страданій недѣлимыхъ и самыхъ обществъ, какъ необходимыхъ послѣдствій отрицательного проявленія въ нихъ жизни закона. Если такъ, то изъ политico-экономическихъ изслѣдований никакъ нельзя исключить благосостоянія, какъ единственного критеріума истины. Только то явленіе общественно-экономической жизни должно признать нормальнымъ, которое можетъ выдержать примѣненіе этого критеріума, явнымъ и несомнѣннымъ послѣдствіемъ котораго есть благосостояніе не *большинства*, но всѣхъ безъ исключенія членовъ общества. Изслѣдование такихъ явленій должно составить предметъ общественной физиологии. И наоборотъ: всякое явленіе общественно-экономической жизни, невыдерживающее примѣненія этого критеріума, явнымъ и несомнѣннымъ послѣдствіемъ котораго есть страданіе хотябы и меньшинства, как-бы вирочемъ это явленіе не было необходимо, должно быть признано ненормальнымъ, его изслѣдование должно быть предметомъ общественной патологии. Доказанное существованіе такихъ явленій въ человѣческихъ обществахъ, по нашему мнѣнію, должно быть поводомъ къ изслѣдованию причинъ ихъ существованія и изысканію самыхъ вѣрныхъ способовъ ихъ устраненія.

Законъ нравственный, какъ необходимость существовать и действовать известнымъ определеннымъ образомъ, лежащая въ самой природѣ человѣка, какъ существа нравственного, проявляется какъ въ недѣлимъ, такъ и въ обществѣ, въ его сознаніи и дѣятельности. Поэтому, есть законы человѣческаго сознанія грамматическіе, логическіе, математическіе. *Напр. Дѣйствительный глагол управляетъ винительнымъ падежомъ не потому, что такъ приказалъ г. Востоковъ или Контиланъ, но по самой природѣ русскаго и латинскаго слова.* Всякое положеніе должно имѣть основаніемъ достаточную причину, не потому, что того требуютъ гг. Кошансій, Кизиветтеръ или даже Кантъ, но потому, что того требуетъ сама природа человѣческаго сознанія. Два прямыхъ угла равны между собою, не потому, что такъ приказалъ Евклидъ или Лакроа, но потому, что такихъ угловъ разумъ не понимаетъ иначе. Надо любить собственныхъ дѣтей, не потому, что такъ приказано въ какомънибудь сводѣ или кодексѣ, но потому, что того требуетъ сама природа человѣка. Еслибы даже какое-нибудь положительное законодательство и заключало въ себѣ правило, противное проповѣдованому, то намъ кажется, что оно столькоже бы было состоятельно, какъ и курсъ физики, въ которомъ бы *повелевалось* тѣламъ стремиться къ центру земли движениемъ неравно-ускореннымъ. Проповѣденные нами законы, какъ это можно видѣть, выражены въ известныхъ формулахъ и правилахъ; но эти формулы и правила составляютъ только виѣшний видъ, виѣшнюю оболочку этихъ законовъ. Эти законы могутъ быть сознаны и исполнены человѣкомъ положительно или отрицательно; слѣдствіемъ такого положительного или отрицательного сознанія и исполненія бываетъ неминуемо истина или заблужденіе, благосостояніе или страданіе.

Въ области законовъ нравственныхъ есть одинъ видъ закона, преимущественно составляющій предметъ нашего изслѣдованія, это правственный законъ, проявляющійся въ человѣческихъ обществахъ — законъ общественный.

Професоръ Неволинъ (Энцикл. законовѣд.) опредѣляетъ общественный законъ слѣдующимъ образомъ: «Это есть правило, съ которымъ человѣкъ, въ сфере общественной жизни, долженъ сообразоваться, если не хочетъ отказаться отъ самой общественной жизни.» Объ этомъ определеніи должно сказать тоже, что мы уже сказали объ определеніи закона нравственнаго. Подъ именемъ закона мы не можемъ понимать виѣшнаго правила, и человѣкъ никогда не можетъ отказаться вполнѣ отъ общественной жизни. Мы подъ именемъ общественного закона понимаемъ: *разумную необходимость, лежащую въ самой природѣ человѣка существовать и дѣйствовать, какъ существо по-преимуществу общественное.* И этотъ законъ выражается въ известныхъ формулахъ и правилахъ: эти формулы и правила составляютъ виѣшний видъ и оболочку общественного закона. *Напр. мужчина и женщина, достигшіе известныхъ лѣтъ, ощущаютъ другъ къ другу симпатическое влеченіе, называемое любовью, и соединяются, вступаютъ въ супружескій союзъ, не потому, что такъ приказано въ положительномъ законѣ, но на основаніи внутренней необходимости ихъ природы.* Никакое запрещеніе положительного закона, никакія мнимо-филантропическія разсужденія даже такого мыслителя какъ Мальтюсъ, не въ состояніи препятствовать людимъ различныхъ половъ, въ известномъ возрастѣ любить другъ друга и соединяться. Заключенный договоръ надо исполнить не потому, что это приказано въ сводѣ или кодексѣ, а потому, что того требуетъ сама природа общественной жизни. Еслибы какое-нибудь положительное законодательство повелевало не исполнять закона, заключеннаго въ этомъ правилѣ, то оно бы было столькоже состоятельно, сколько и курсъ грамматики, въ которомъ бы повелевалось, послѣ дѣйствительнаго глагола ставить существительное не въ винительномъ падежѣ, а въ творительномъ или дательномъ, — это законодательство бы было столько же состоятельно, сколько и курсъ Химіи, въ которомъ бы повелевалось калію и поташю не соединяться съ кислородомъ, или серебру химически соединяться съ свинцомъ или масломъ, и смоламъ растворяться въ водѣ. Въ обществѣ, при производствѣ

предметовъ, удовлетворяющихъ потребности, необходимо разделение занятій, не потому, что такъ приказано въ курсѣ Политической экономіи Сэя или Курсель-Сенейля, но потому, что того требуетъ природа вещей и интересъ общества; и еслибы какоинибудь ученый вздумалъ основать свою теорію на отсутствіи раздѣленія занятій (какъ это сдѣлалъ Прудонъ въ его учениѣ объ интеллектуальной собственности) то эта теорія бытабы ложна. Эти формулы и правила, въ которыхъ выражается общественный законъ, составляютъ тоже не больше, какъ внѣшний его видъ и оболочку. И законъ общественный въ человѣчествѣ тоже можетъ быть сознанъ и исполненъ положително и отрицательно. Слѣдствіемъ его сознанія и исполненія въ томъ или другомъ смыслѣ бываетъ тоже благосостояніе или страданіе — Замѣтимъ еще, что есть одна формула, самыи точныи образомъ выражающая общественный законъ во всѣхъ его возможныхъ проявленіяхъ. Эту формулу можно дѣйствительно употреблять какъ норму, для повѣрки и устройства всѣхъ общественныхъ отношеній. Эта формула такъ проста, ясна и благотворна, что ее до сихъ поръ люди и общество еще не поняли и не исподняютъ. Формула эта: «люби ближняго, какъ самого себя.»

Наоборотъ, нѣкоторыи изъ формулъ и правилъ, будтобы выражаютъ законъ общественный, находятся въ большомъ практическомъ употреблениѣ и почетѣ; но, при внимательномъ ихъ изслѣдованиіи, оказываются вовсе несостоятельными, не могущими выдержать примѣненія къ нимъ критеріума благосостоянія и противорѣчющими настоящему общественному закону.

Дѣятельность человѣческаго разума, направленная на изслѣдованіе общественного закона, называется соціальною наукой. Наука эта, какъ изслѣдованіе непреложныхъ законовъ существованія и дѣятельности человѣческихъ обществъ, имѣть своимъ предметомъ всю область общественной жизни. Естественно, что вся эта область, со всѣми ея разнообразными явленіями, не можетъ быть предметомъ изслѣдованій Политической экономіи. Наука эта имѣть свой специальный предметъ, предметъ, ей исклучительно принадлежащий.

Всѣ разнообразныя явленія общественной жизни, по самой природѣ общества, могутъ бытъ раздѣлены на два главные разряда: какъ съ одной стороны вся общественная дѣятельность, вся общественная жизнь проявляется посредствомъ недѣлимыхъ, такъ съ другой стороны, всякая дѣятельность недѣлимаго необходимо совершается въ обществѣ. Есть явленія общественной жизни, происходящія изъ сущности самаго общества, интересы чисто общественные, относящіеся ко всему обществу, какъ собирательному лицу, интересы, не касающиеся прямо недѣлимаго ни даже извѣстной суммы недѣлимыхъ, напр. правлениѣ, администрація. Есть явленія и интересы, касающіеся ближе недѣлимаго, или суммы недѣлимыхъ, нежели общества, какъ лица собирательнаго, какъ союза, формы существованія человѣка, напр. удовлетвореніе потребности — промышленность. Первыя явленія и интересы мы позволимъ себѣ назвать *политическими*, посвѣднія *экономическими*. Тѣмъ не менѣе, хотя политическія явленія общественной жизни собственно относятся къ обществу, какъ формѣ существованія человѣка, какъ къ органическому цѣлому, а не къ отдельнымъ недѣлимымъ, однако явленія эти имѣютъ неоспоримое вліяніе и на недѣлимыхъ, (напр. администрація). То-чию также, какъ и явленія чисто-экономическихъ (напр. производство хлѣба), относятся преимущественно къ интересу недѣлимыхъ, но по необходимости совершаются въ обществѣ, и имѣютъ вліяніе и на само общество. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что общественная жизнь одна и нераздѣльна, что экономическая явленія этой жизни не могутъ быть рѣзко отдѣлены отъ ея явленій политическихъ, а если въ наукѣ и отдѣляются, то единственно для удобства изслѣдованія — на основаніи закона раздѣленія занятій.

Итакъ изъ всѣхъ видовъ нравственного общественного закона, одинъ его видъ, на которомъ основываются экономическія явленія общественной жизни, и который, поэтому, мы и назовемъ *экономическимъ*, составляетъ настоящій предметъ изслѣдованій Политической экономіи, какъ науки. И этотъ законъ тоже выражается во множествѣ формулъ и правилъ. Формулы эти со-экономистъ

ставляютъ собраніе приюзовъ промышленности, которая въ теперешнемъ ея видѣ есть дѣятельность человѣка, пытющаго вѣлью производство цѣлости и приобрѣтеніе дохода. (Эти формулы фон-Тюненъ старался выразить точнымъ языкомъ математическаго анализа). Экономическія правила выражаются даже въ законодательствѣ и наукѣ. Тѣмъ не менѣе эти формулы и правила не составляютъ экономического закона. Подъ именемъ этого закона, собственно, надо разумѣть *необходимость извѣстного образа существованія и дѣятельности недѣлмыхъ въ обществѣ, результатъ которыхъ должно быть удовлетвореніе ихъ потребностей—экономическое благосостояніе*. Эти формулы и правила, хотя должны служить выражениемъ и вицѣнною оболочкою экономическому закону, тѣмъ не менѣе, очень часто заключаютъ въ себѣ явныя отступленія отъ этого закона, въ чёмъ наскѣ убѣждаютъ неизбѣжное съдѣствіе такого отступленія, *экономическое страданіе*, иссаминало существующее въ теперешнихъ человѣческихъ обществоахъ, изслѣданію главной причины которыхъ посвящено настояще разсужденіе.

Страданія эти и ихъ признаки должны бы быть предметомъ особыхъ науки, которая относилась бы къ Политической экономіи какъ патологія относится къ физиологии. Но такая наука въ отдѣльномъ видѣ еще не существуетъ.

Принимая Политическую экономію за науку, изслѣдующую экономическіе законы общественной жизни, законы дѣятельности человѣка въ обществѣ, ичьющей результатомъ удовлетвореніе его потребностей, мы для точайшаго опредѣленія этой науки постараемся определить значеніе *потребности* и характеръ экономической дѣятельности; отсюда сами собою и естественно опредѣляются и границы Политической экономіи.

Подъ именемъ потребности должно понимать извѣстное состояніе человѣка, опущающее нужду, испытываемое имъ постоянно, требующее удовлетворенія къ своему извѣстящеся. Удовлетвореніе потребности доставляетъ человѣку удовольствіе, лишеніе этого удовлетворенія причиняетъ ему страданіе. Въ безпрерывномъ возрожденіи потребностей и въ безперерывномъ ихъ удов-

зетвореніи заключается экономическая жизнь человѣка. Правильность двухъ этихъ главныхъ отправлений этой жизни условливаетъ его экономическое *благосостояніе*. Поэтому потребности и ихъ удовлетвореніе составляютъ разумное и законное условіе существованія человѣка: характеръ разумности и законности потребности отличается отъ простаго желанія и прихоти. Разумность потребности опредѣляется возможностью развитія (Ср. Вернадскаго: Очеркъ теоріи потребностей). Та потребность разумка, которая и сама можетъ постепенно принимать совершиеннѣйшія формы проявленія и удовлетворенія, и удовлетвореніе которой способствуетъ развитію человѣка, составляетъ необходимое условіе этого развитія—законность потребности опредѣляется *правомъ*. Та потребность закона, удовлетвореніе которой не мѣшаетъ развитію другихъ мѣръ. Вообще тѣ потребности законны и разумны, удовлетвореніе которыхъ не только не мѣшаетъ, но способствуетъ развитію и благосостоянію всѣхъ и каждого.

Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе потребности, мы не будемъ заниматься дѣленіемъ потребностей на различные категории. Скажемъ только, что дѣленія человѣческихъ потребностей на *материальная и нравственная*, и основавшаго на этомъ дѣленіи различія между промышленностью и другими родами человѣческой дѣятельности, и слѣдовательно установленія границъ Политической экономіи, мы решительно ~~исключаемъ~~ опускаемъ.

Человѣкъ есть существо физическо-органическо-нравственное; эти три характера въ его природѣ соединены самымъ тѣснымъ и самымъ нераздѣльнымъ образомъ. Поэтому и всякая его потребность, почитаемая за чисто нравственную, удовлетворяется подъ влияніемъ его физическо-органической природы; и на обратъ, всякая его потребность, почитаемая за чисто-материальную, и удовлетвореніе всякой изъ такихъ потребностей носить на себѣ печать его нравственного характера. Если даже человѣкъ, вслѣдствіе своей свободы, при удовлетвореніи своихъ, почитаемыхъ за чисто-материальными, потребностей, и забываетъ о своемъ нравственномъ характерѣ, то онъ неминуто за это оказывается страдающимъ.

*

Блага, удовлетворяющая чисто - нравственнымъ или духовнымъ потребностямъ человѣка, суть идеи истины, добра и красоты. Между тѣмъ, пользованія этими благами человѣкъ достигаетъ не иначе, какъ посредствомъ употребленія различныхъ инструментовъ, орудий, книгъ, статуй, слова, звуковъ и т. д. Приобрѣтеніе всѣхъ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія разумныхъ и законныхъ потребностей человѣка, называемыхъ чисто - материальными, не обходится безъ участія наукъ и изящныхъ искусствъ. Животная *ядьма*, одинъ человѣкъ обѣдяетъ. Эта фраза, сказанная въ шутку, имѣть однако смыслъ вовсе иешуточный. Чѣмъ отличается понятіе обѣда отъ простой Ѣды, поглощенія пищи? Именно необходимостью приготовлять пищу по правиламъ химіи и гигієни, необходимостью присутствія, при удовлетвореніи потребности, голода, эстетическихъ ощущеній избранного общества, оживленной бесѣды, убранства стола и т. д.

Мы уже высказали нашъ взглядъ на образъ составленія общества, мы сказали, что оно не составилось ли произвольно, ни случайно, для какой-либо вѣнѣшней цѣли, но что оно есть необходимая и непроизвольная форма существованія человѣка, органически развивающейся изъ первоначальной формы — супружескаго союза. Для большаго доказательства справедливости нашего мнѣнія, примѣнимъ къ этому предмету критеріумъ благосостоянія, и посмотримъ, что бы сдѣлалось съ человѣчествомъ, еслибы оно (буде это возможно) отказалось отъ общественной жизни. Очевидно тоже, что съ недѣлимъ, еслибы они перерѣзали себѣ горло или жили. Какъ до извѣстной степени, человѣкъ имѣть возможность уничтожить свой тѣлесный организмъ, такъ точно человѣчество, до некоторой степени можетъ уничтожить и свой организмъ общественный; посѣдѣтъ одного и другого уничтоженія всегда гибельны. Очевидно, что, еслибы все люди перестали заключать супружескіе союзы, въ данное время, человѣчество исчезло бы съ лица земли. Еслибы человѣчество не выходило изъ супружескаго союза и родового быта, оно бы страдало, потому именно, что въ противность закону своей природы не развивалось бы. Но страданіе, разнымъ образомъ, постигло бы человѣчество

во и въ томъ случаѣ, еслибы его развитіе совершилось иенормально, еслибы этому развитію было присуще отступленіе отъ настоящаго общественнаго закона. Такъ, какъ никакимъ образомъ нельзя отрицать существованія страданія въ теперешнемъ развитіи общественной жизни, то мы вправѣ заключить, что развитіе это совершается иенормально.

Кажется, въ настоящее время, нѣть уже нужды опровергать софизмы, употреблявшіеся еще таъ недавно для подтвержденія той мысли, что общество вредно, и для прославленія выгодъ мнимаго естественнаго состоянія. Мыслители, употреблявшіе эти софизмы, видѣли страданія человѣка въ обществѣ, и не умѣя хорошо различить нормального состоянія общества отъ иенормального, а также, находясь подъ вліяніемъ той мысли, что дикое состояніе человѣка, существующаго, какъ говорили, въ обществѣ, единственно естественно, а общество образовалось искусственно и произвольно, по договору и соглашенію, для достижения какой-либо цѣли, не видѣли для человѣка другаго спосѣба избѣгнуть страданій, какъ отказаться отъ искусственной и произвольной формы общественной жизни и обратиться въ первоначальное будгобы естественное состояніе. Мы думаемъ, что общественная жизнь составляетъ необходимую, нормальную и естественную форму существованія человѣка на земль, что страданія въ обществѣ не необходимы и составляютъ не неизбѣжное условіе общественной жизни, но слѣдствіе отступленія этой жизни отъ ея нормы — отъ закона.

Мы уже сказали, что понимаемъ подъ именемъ экономической жизни человѣка въ обществѣ. Эта жизнь проявляется въ дѣятельности недѣлимыхъ, имѣющихъ результатомъ удовлетвореніе ихъ разумныхъ и законныхъ потребностей, и проявляется необходимо въ обществѣ.

Экономическая дѣятельность недѣлимыхъ въ обществѣ, по отношенію средствъ и силъ, которыми она употребляется въ дѣло, по отношенію ея техническихъ пріемовъ, называется еще *промышленистство*. Дѣятельность эта должна быть разумна и законна — она должна способствовать развитію всѣхъ членовъ об-

щества удовлетворенiemъ всѣхъ разумныхъ и законныхъ потребностей. Итакъ, по ихъ результату, экономическая дѣятельность и промышленность тождественны. Безлѣ, гдѣ мы, въ настоящемъ разсужденіи, употребляемъ слово промышленность, мы подъ нимъ разумѣемъ нормальную экономическую дѣятельность, происходящую изъ самой природы человѣка, имѣющую результатъ удовлетвореніе разумныхъ и законныхъ потребностей всѣхъ членовъ общества. Какъ теперешній образъ производства промышленности не имѣеть этого характера, то мы его и не считаемъ нормальнымъ, и гдѣ намъ приходится о немъ говорить, мы всегда добавляемъ слово *теперешній*.

Мы съ умысломъ исключаемъ изъ нашего опредѣленія промышленности, понятіе о предметѣ, на который она должна быть направлена—объ этомъ предметѣ много спорили, и по нашему мнѣнію вовсе бесполезно. Собственно для науки важно понятіе о человѣкѣ, его потребностяхъ и дѣятельности, удовлетворяющей эти потребности. Всякій предметъ въ природѣ, всякое явленіе, за исключеніемъ самого человѣка, можетъ быть предметомъ промышленной дѣятельности въ видѣ *средства*; человѣкъ же можетъ быть ею *цѣлью*.

Мы полагаемъ, что, на основаніи сказанного, можно разрѣшить всѣ споры о границахъ и различіи между промышленностью и изящными искусствами; споры о томъ, производительна ли или нѣть дѣятельность ученыхъ и должностныхъ лицъ, т. е. принадлежитъ ли она къ экономической дѣятельности, промышленности, или нѣть?

Дѣло въ томъ, что всякая дѣятельность недѣлимая въ обществѣ, въ экономическомъ отношеніи, можетъ быть рассматриваема съ двухъ сторонъ. По одной, она, напримѣръ, имѣеть результатъ политической, художественной и ученой, осуществляется явленія чисто-политической, явленія науки или художества, вырабатываетъ идеи истины; по другой результатъ той же дѣятельности: *удовлетвореніе потребности недѣлимыхъ въ обществѣ*. Всякая дѣятельность недѣлимыхъ въ обществѣ, въ той мѣрѣ, въ какой она имѣеть результатомъ такое удовлетвореніе

разумныхъ и законныхъ потребностей, экономически производительна, следовательно принадлежитъ къ промышленности. Доколѣ ученый занимается въ своемъ кабинетѣ изслѣдованиемъ и изысканіемъ истинъ, до тѣхъ порѣ его дѣятельность чисто-учебная; но какъ скоро онъ результаты своихъ изысканій излагаетъ изустно или печатно, и, такимъ образомъ удовлетворяетъ потребности недѣлимого или суммы недѣлимыхъ, въ истинѣ, дѣятельность его экономически-производительна. Она принадлежитъ къ промышленности художника или должностного лица. Намъ кажется, что, такимъ образомъ, граница между промышленностью и другими родами человѣческой дѣятельности обозначается ясно.

Результатъ экономической дѣятельности недѣлимыхъ въ обществѣ есть удовлетвореніе разумныхъ и законныхъ потребностей. Совокупность предметовъ, явлений и благъ, произведенныхъ этой дѣятельностью, и дѣйствительно удовлетворяющихъ потребности, называется *экономическимъ богатствомъ*. На этомъ характерѣ дѣйствительно удовлетворять потребности, мы основываемъ качество предмета явленія и блага, по которому они могутъ принадлежать къ суммѣ богатства. Всякій предметъ, явленіе и благо, становится частью экономического богатства, въ моментъ дѣйствительного удовлетворенія потребности. Предметъ явленія и блага, только полезны, но, на самомъ дѣлѣ не удовлетворяющія потребности, составляютъ только *богатство въ возможностяхъ*. Всѣ предметы, явленія и блага, какъ бы они полезны ни были, для огромной массы людей ощащающихся въ нихъ потребность, знающихъ обѣ ихъ полезности, но по количеству своего дохода лишенныхъ возможности потребленія этихъ предметовъ, явленій и благъ, не составляютъ дѣйствительного экономического богатства.

Что значитъ производить полезность? Производить полезность, въ экономическомъ смыслѣ, не значитъ творить новое вещества. Это значитъ только веществу и явленіямъ уже существующимъ сообщать качеству, по которому они могутъ удовлетворять потребности, или качеству вызывать наружу.

Теперь, на основании предварительного и, по нашему мнению, правильного, несколько непроизвольного определения **экономического закона, потребности и экономической деятельности**, мы предлагаем определение Политической экономии, какъ науки. Намъ кажется, что предлагаемая нами формула ии мало не произвольна. Политическая экономия есть часть социальной науки, но она составляет и самостоятельную науку. Какъ такая она есть *исследование и изложение въ системѣ непреложныхъ, на природѣ вещей основанныхъ и не зависящихъ отъ произвола, законовъ экономической деятельности человѣка въ обществѣ, рассматриваемомъ какъ несбогодичная форма его существованія, дѣятельности, имѣющей непремѣнныи результатомъ постоянное удовлетвореніе разумыаго и законныхъ потребностей всѣхъ недѣлчихъ безъ исключенія, а следовательно общее благосостояніе.*

Изъ этого определенія състественно выводится и решеніе вопроса, до сихъ поръ еще занимающаго ученыхъ: Политическая экономія есть ли наука или искусство? спора, послужившаго основаниемъ принятому некоторыми учеными раздѣленію Политической экономіи на рациональную и прикладную. Не можетъ подлежать не малѣшему сомнѣнію и спору, что разумъ человѣческий имѣетъ естественное побужденіе проявляться въ свойственной ему дѣятельности исследовать явленія и закона міра. Такая дѣятельность разума называется наукой. Какъ называть науку, исследующую явленія и законы экономической жизни,—это другое дѣло. Но, если уже принято дѣятельность человѣческаго разума, направленную на изслѣдованіе экономическихъ явленій и законовъ, называть Политической экономіею, то она безспорно—наука. Человѣкъ имѣть тоже естественное и непреложное стремленіе узанную истину примѣнять къ своей пользѣ, добытые наукой законы выражать въ формулахъ и правилахъ, съ которыми сообразуетъ свои дѣйствія для достиженія различныхъ цѣлей. Такая дѣятельность человѣка есть искусство. Это искусство можно называть какъ угодно, пожалуй даже практическою Политической экономіею. Мы однако придерживаемся того мнѣнія, по которо-

му дѣятельность такая, состоящая въ примененіи выражаемыхъ въ известныхъ формулахъ и правилахъ, экономическихъ законовъ, и имѣющая результатомъ экономическое благосостояніе, называется промышленностью.

Еще одинъ спорный пунктъ, решеніе которого можетъ быть основано на точномъ определеніи Политической экономіи. Одни говорятъ, что ея предметъ составляетъ сама дѣятельность, называемая промышленностью, не по отношенію средствъ и силъ природы, употребляемыхъ ею, не по отношенію бъ техническихъ приемахъ, но по отношенію ея результата и цѣли, сообщенія вещамъ и явленіямъ качества богатства; другие напротивъ, утверждаютъ, что предметомъ Политической экономіи есть само это богатство. Мы съмъ скажемъ ни одно, ни другое. Предметъ Политической экономіи гораздо выше: его составляютъ непредложные, на природѣ вещей основанные законы, по которымъ промышленность нормально совершаются въ обществѣ, и на основаніи которыхъ образуется богатство.

Какіе предметы, явленія и блага составляютъ богатство, и могутъ быть предметомъ изслѣдований Политической экономіи? Экономисты къ такимъ благамъ относятъ только тѣ, которые могутъ быть предметомъ *мѣны* въ настоящемъ ея видѣ. Мы, на основаніи причинъ, изложенныхъ въ настоящемъ разсужденіи, не признаемъ такой мысли явленіемъ нормальныхъ, потому и не можемъ согласиться почитать тѣ только предметы, явленія и блага за принадлежащиа къ суммѣ богатства, и составляющія поэтому предметомъ Политической экономіи, которыхъ могутъ быть предметомъ мѣны. По нашему мнѣнію, для этого достаточно, чтобы какой-нибудь предметъ, явленіе или благо дѣйствительно удовлетворяли потребности и были результатомъ человѣческой дѣятельности. Мы полагаемъ, что мѣна, въ настоящемъ ея видѣ, не есть явленіе совершение необходимо и единственно возможное, мы думаемъ, что человѣческая дѣятельность можетъ проявляться и въ другой формѣ, болѣе нормальной, что распределеніе богатства можетъ быть основано на началахъ болѣе разум-

ыхъ нежели тѣ, на которыхъ оно основано въ теперешнихъ обществахъ.

Мы не намѣрены излагать даже краткой исторіи Политической экономіи, ни подробно исследовать споръ между консервативнымъ и соціалистскимъ ученіемъ въ этой науки. Споръ этотъ можетъ быть предметомъ особаго, обширнаго разсужденія. Здѣсь мы только укажемъ въ общихъ чертахъ, на характеръ этихъ двухъ противоположныхъ учений, какъ мы его понимаемъ.

Экономисты консерваторы или экономисты либеральной школы позагаютъ, что главныя основанія и условія теперешнаго обра-за производства промышленности совершиенно нормальны, и если въ нихъ бывають какія-либо отступленія и уклоненія отъ нормы, то они могутъ быть, и всегда, бывають исправлены самими же этимъ обыкновеннымъ теченіемъ промышленности. Такъ Молинари написалъ даже курсъ Политической экономіи съ специ-альною цѣлью доказать, что промышленность сама для себя служить естественнымъ регуляторомъ. М. Шевалье, хотя и видѣтъ, чего никакъ уже нельзя не видѣть, въ теперешней промышленно-сти новыя уклоненія отъ нормального порядка, но онъ ни мало не хочетъ не только измѣнить этотъ порядокъ, но даже не согла-шается на внимательное его изслѣдованіе и беспристрастную его критику. Для исправленія этихъ уклоненій отъ нормы онъ требуетъ только палліативовъ, организаціи труда, ассоціаціи, ни мало не заботясь о томъ, возможны ли даже эти палліативы при существова-ваніи настоящаго экономического порядка теперешнихъ экономи-ческихъ условій общественной жизни, передъ которыми онъ съ по-корностью преклоняется. Есть въкотороя экономическая страда-нія, которыхъ решительно нельзя не видѣть (напр. происходящія отъ введенія машинъ); но М. Шевалье отвергаетъ даже ихъ существо-ваніе: онъ ихъ совершиенно отрицаetъ. Такимъ взгля-домъ объясняется и приведенное выше мнѣніе, что предметомъ Политической экономіи не можетъ быть результатъ промышлен-ности, богатство, но что имъ должна быть сама эта дѣятель-ность, что при политico - экономическихъ изслѣдованіяхъ не должно вовсе заботиться о благосостояніи, а должно ограничить-

ся только выведеніемъ экономически-вѣрныхъ формулъ произ-водства, что должно изслѣдоваться не то, что должно быть, но то, что необходимо бываетъ, не заботясь много объ отыска-ніи причинъ такой необходимости. Разумѣется, ученые этой ка-тегоріи, видя, что очень и очень часто результатомъ промы-шленности, въ настоящемъ ее видѣ, бываетъ вовсе не богатство, т. е. совокупность явленій и благъ действительно удовлетво-ряющихъ потребности *европы* безъ исключенія недѣлимыхъ въ обществѣ, что настоящаго благосостоянія, пронискавшаго изъ полного удовлетворенія всѣхъ законныхъ и разумныхъ потреб-ностей, въ теперешнихъ человѣческихъ обществахъ вѣтъ даже и сѣдовъ, должны были исключить изъ своихъ изслѣдований богатство и благосостояніе. Изъ этого же взгляда на науку про-исходитъ мнѣніе, что все отдельно-взятые явленія промышлен-ности, какъ бы они не были аномальны и вредны въ частно-сти, но они гармонируютъ въ общемъ общественномъ орга-низмѣ, и имѣютъ благіе результаты. Спекуляція напр. по ма-нію Мэк. Коллоха есть предусмотрительность, исполняющая важ-ную роль въ благотворномъ порядкѣ, установленномъ провидѣніемъ, при которомъ корысть и эгоизмъ направляются къ одному благу. Г. Бунге, въ статьѣ своей, «Экономический кризисъ 1857 г.» (Отечествен. записки. 1859 г., мартъ) доказалъ, что хотя спекуляція и не была первою причиной кризиса, но однакожъ она была *сильнѣющимъ его рычагомъ*. Итакъ, орудіе, лажное про-видѣніе для направленія корысти и эгоизма къ общему благу, сдѣлалось сильнѣйшимъ *рычагомъ* кризиса, причинившаго столько бѣствий, перемѣтившаго столько богатства, за который народы расплачиваются еще и теперь, и за который еще долго будуть рас-плачиваться. Тутъ что-нибудь одно изъ двухъ: или Провидѣніе выбрали плохое орудіе для исполненія своихъ благихъ цѣлей, или теперешній образъ производства промышленности не норма-ленъ, и экономисты консерваторы ошиблись въ его оценкѣ: они плохо наблюдаютъ факты. Мы не можемъ не согласиться съ этой второй частью дилеммы. Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что все от-дельные зловредныя явленія экономической жизни, въ организ-

мѣ общества гармонируются и приводят къ благимъ результатамъ, и что эти именно явленія и составляютъ тѣ *орудія*, которыя Провидѣніе избрало для достижениія этихъ благихъ результатовъ, не все ли равно, что утверждать, что горячечный жаръ или чумный ядъ въ общемъ телесномъ организмѣ гармонизуются и составляютъ *орудія*, избранныя Провидѣніемъ для достижениія благаго результата *органическаго здоровья?* По нашему мнѣнію, если какой-либо организмъ и устоитъ противу этихъ мнимыхъ *орудій Провидѣнія*, то этимъ онъ бываетъ обязанъ вовсе не саниръ этия орудія, а собственной своей живучести, своей органической силѣ, и все-таки для него было бы несравненно лучше, еслибы этихъ *благихъ орудій* вовсе не было.

Надо еще замѣтить, что экономисты этого направлениія по вопросу свободы торговли раздѣляются на двѣ главныя категоріи: одни изъ нихъ приверженцы этой свободы, другіе защищаютъ принципъ покровительства національного труда. Были примеры, что экономисты, защитники свободы торговли, переходили къ противному мнѣнію, какъ напр. американский ученый *Carrey* (Карэ). Защитники свободы торговли, повидимому борются съ монополіею; но причина этого разногласія лежитъ гораздо глубже, нежели интересы монополистовъ, какъ мы это постораемся доказать дальше, въ параграфѣ специально посвящающемся этому предмету.

Общий характеръ противниковъ консервативно-экономического ученія, такъ называемыхъ соціалистовъ, состоятъ въ томъ, что все они, теперешній образъ производства промышленности, все коренные условія теперешней экономической жизни общества признаютъ ненормальными. Соціалисты, по ихъ ученію, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ, имено видя существующія въ теперешнихъ обществахъ экономической страданія, не ищутъ очень глубоко причинъ этихъ страданій; но, ограничиваясь наблюдениемъ симптомовъ общественно-экономического недуга, предлагають излечить этотъ недугъ разными излѣчивающими, болѣе или менѣе энергическими средствами, болѣзнетные симптомы желаютъ излечить возбужденіемъ въ общественномъ

организмѣ другихъ симптомовъ. Къ этой категоріи должна быть отнесены даже многіе ученые, обыкновенно причисляемые къ разряду экономистовъ—консерваторовъ, или, по крайней мѣрѣ, непризнаваемыхъ за соціалистовъ. Такъ напр. де-Сисмонди, видя весь вредъ, причиняемый дѣлу удовлетворенія потребности введеніемъ машинъ, отвергає самыя машины, или предлагаетъ разныя условія ограничнія при ихъ введеніи. Бастіа, пораженный несобразностями покровительственной системы и дурными послѣдствіями для народного богатства, происходящими отъ монополіи, защищаемой этой системой, желаетъ чистаго и простаго ея уничтоженія, не подозрѣвая, что покровительственная система (какъ мы постараемся доказать это дальше) имѣетъ основанія гораздо глубже, нежели въ интересѣ монополистовъ. Изъ настоящихъ соціалистовъ, Прудонъ, замѣянъ въ теперешней промышленной дѣятельности противоположность интересовъ и происходящіе изъ нея антагонизмъ и борьбу между капиталистами и работниками, не вхола въ подробное изслѣдованіе причинъ этого антагонизма и борьбы, но видя, что работники всегда изъ нея выходятъ побѣженными, заботится не о прекращеніи антагонизма, и устраненіи поводовъ къ столкновенію и борьбѣ; но старается только о томъ, чтобы дать работникамъ въ руки оружіе, въ своей формулаѣ *o даровомъ кредитѣ* (*la gratuité du crédit*). Шэръ Лэръ, по тѣмъ же побужденіямъ, и съ тою же цѣлью, провозглашаетъ формулу *о всеобщемъ присвоеніи орудій труда*. Луи Бланъ, также, оружіе для борьбы съ капиталистами желаетъ дать работникамъ въ *національныхъ мастерскихъ*. Также Прудонъ, видя, что многіе ученые всегда защищаютъ богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и хладнокровно и даже съ презрѣніемъ смотрятъ на страданія бѣдныхъ работниковъ, провозглашаетъ съ Мальтиосомъ, что *этимъ послѣднимъ сама природа отказалась въ приборъ на пиру жизни*, не трудясь много для изслѣдованія истинности и состоятельности этой формулы, отвѣчаетъ другою: *la propriét  c'est le vol*. Онъ самъ, посѣдѣ, какъ известно, сознался, что употребилъ эту формулу какъ оружіе, которое бросаютъ послѣ употребленія. Очевидно, все фор-

мұлы, составляющія сущность ученія соціалистовъ этой категории, изобрѣтены и придуманы для того, чтобы служить оружиемъ однай партіи противъ другой, въ борьбѣ интересовъ; безусловного значенія онѣ имѣть не могутъ, потому что не основаны на изслѣдований принциповъ; формулы эти составляютъ явленіе временное и переходящее.

Соціалисты другой категории, къ которой принадлежатъ: Овенъ, Сен-Симонъ, Кабе, и наконецъ Фурье, предпочитаютъ уясненіе принциповъ безплодному труду прискивать оружіе для борьбы партій, безплодной рекриминаціи противу прошедшихъ заблужденій; предпочитаютъ изслѣдованіе непреложныхъ законовъ человѣческой общественно-экономической дѣятельности. Они полагаютъ (и по нашему мнѣнію совершенно основательно), что, послѣ уясненія принциповъ, послѣ отысканія настоящихъ законовъ человѣческой природы и дѣятельности, борьба интересовъ прекратится сама собою. Соціалисты этой категории, на основаніи положенія, что *ложнаю начала улучшить нельзя*, требуютъ не средствъ палліативныхъ, но кореннаго измѣненія промышленности, совершеннаго устраненія началь, составляющихъ постоянную и настоящую причину болѣзнейныхъ отправлений общественно-экономического организма. Изслѣдуя непреложные законы существованія общества и общественной жизни, они необходимо должны были изыскивать нормы того и другой, они самыи свойствомъ своей ученої дѣятельности были вызваны на построеніе идеала общества, причемъ они не могли избѣжать и построенія ипотезъ. Этотъ образъ дѣйствія, который одинакожъ, въ естественныхъ наукахъ довелъ ученыхъ до такихъ блестательныхъ результатовъ, или, по крайней мѣрѣ, не помышлялъ осуществленію этихъ результатовъ, былъ principioю, что соціалистовъ этой категории преимущественно передъ другими противники ихъ называли утопистами. —

Соціалисты этой категории первые провозгласили въ теоріи, и первыи желали ввести въ практику идею ассоціаціи. Нѣкоторые, даже самые рѣзкие экономисты-консерваторы не могутъ не согласиться съ тѣмъ, что идея ассоціаціи плодотворна и что ея осу-

ществленіе былобы полезно. Между прочими, съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и М. Шевалье, хотя впрочемъ, допуская начало ассоціаціи, онъ впадаетъ въ ясное противорѣчіе со всѣмъ своимъ ученіемъ. Онъ, желая осуществленія ассоціаціи, все-таки почитаетъ коренные условія теперешней экономической жизни совершенно нормальными и не подозрѣваетъ, что эти условія, при введеніи и развитіи ассоціаціи устоять не могутъ (Th. Fix, *observations sur les classes ouvrières*, доказалъ, что при теперешнемъ образѣ производства промышленности, ассоціація между трудомъ и капиталомъ не возможна). Впослѣдствіи постараемся и мы изслѣдовать этотъ важный предметъ во всей подробности, теперь же, въ настоящемъ разсужденіи, не смотря на всю его важность, мы имъ заняться не можемъ, потому что для рационального изслѣдованія и изложенія начала ассоціаціи необходимо прежде изслѣдовать нѣкоторые спорные пункты науки.

Для полноты опредѣленія Политической экономіи надо еще сказать нѣсколько словъ о такъ названной исторической ея методѣ. Метода эта, какъ известно, состоитъ въ томъ, что экономические факты и ученія изслѣдуются въ постепенномъ ихъ появленіи въ жизни человѣчества, въ исторіи. Безспорно, что все существующее и существовавшее въ человѣчествѣ имѣло достаточную причину своего существования и что одинакія причины имѣютъ всегда одинакія послѣдствія, и слѣдовательно, если напр. въ древнихъ обществахъ, вслѣдствіе несоразмѣрности средствъ содержанія съ числомъ народонаселенія существовалъ пролетаріатъ, то новѣйший пауперизмъ не имѣть другой причины. Если историческая метода ограничится изложеніемъ истинъ подобныхъ этой, то она принесетъ немногій пользы, и будетъ служить только (какъ это замѣтилъ еще Ж. Б. Сэй) удовлетвореніемъ одному пустому любопытству. Но если метода эта, на томъ основаніи, что вслѣдствіе однихъ и тѣхъже причинъ, одинъ и тѣ же явленія повторяются *необходимо*, будетъ заключать, что и причины этихъ явленій и сами эти явленія совершенно *нормальны*, что известныя явленія только потому, что они появились не теперѣ, тѣмъ самыи необходимы, неизбѣжны и нормальны, то такое за-

ключенис будетъ совершенна ложно и положительно вредно. По нашему мнѣнію, разсуждать такимъ образомъ все равно, что продолжительную, хроническую болѣзнь почитать за одно съ нормальнымъ состояніемъ организма — здоровьемъ.

Мы имѣемъ теперь подъ рукою одно только сочиненіе Политической экономіи въ историческомъ направлѣніи, это переводъ Рошера, сдѣянный г. Воловскимъ, взявшимъ на себя трудъ распространять историческую методу Политической экономіи во Франціи; поэтому, мы можемъ разобрать только мнѣніе г. Воловского обѣ этой методѣ. Г. Воловскій исполнилъ свою задачу съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и остроуміемъ; но, несмотря на это, мы не можемъ раздѣлять его мнѣній.

Мы не становимъ опровергать всѣхъ доводовъ г. Воловского, мы даже не можемъ вполнѣ разобрать всей его краснорѣчивой защиты исторической методы: это лежитъ вѣкъ занимающаго нась теперь предмета. Чтобы однако оправдаться въ томъ, что мы не увлеклись и не убѣдились всѣмъ краснорѣчіемъ и всѣмъ остроуміемъ г. Воловского, мы разберемъ одно изъ его положеній.

Обыкновенно, до сихъ поръ, думали, что Политическая экономія *наука новая*. Г. Воловскій самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ такое мнѣніе. Онъ говоритъ: «нужно бросить странную мысль, что тысячелѣтія могли пройти безъ оставленія какого-либо слѣда ученой обработки Политической экономіи образованными людьми столькихъ народовъ, и что сами народы не думали обрабатывать этой богатой интеллектуальной почвы, тогда какъ, въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, мы легко можемъ всеходить по торной дорогѣ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ древности». (*Traduct. de Roscher, preface*, p. XXXIX).

Очевидно, почетный ученый не даетъ себѣ вѣрного отчета въ томъ, что такое Политическая экономія, какъ наука. Ужели онъ какіе-нибудь *слѣды* дѣятельности, хотябы самыхъ образованныхъ людей древности почитаетъ за одно съ наукой? Кто захочетъ познакомиться съ этимъ предметомъ покороче въ сочиненіи И. В. Вернадекаго «Очеркъ истории Политической экономіи», гдѣ съ особенной полнотою изложены все эти *слѣды* политико-

экономическихъ возврѣній (мы никакъ не решаемся сказать: учений), древнихъ мыслителей, тотъ навѣрное убѣдится, что въ нихъ нетъ ни *слѣда* того, что должно понимать подъ именемъ Политической экономіи, какъ науки. Что касается *обработки* истинъ Политической экономіи самыми *народомъ*, то мы, кажется совершенно основательно, полагаемъ, что древнія *plebs*, *дима*, образовали эти истинны такими же точно способомъ, какъ и теперешний народъ; но признаемся откровенно, что, видя, какъ два явочника *кулаками* и *палками* рѣшаютъ *принципъ конкуренціи* и свободы торговли, мы никакъ не можемъ видѣть, въ этомъ факѣ научной обработки политico-экономическихъ истинъ. Да и точно-ли правда, что «во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія мы можемъ восходить по торной дорогѣ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ древности?» Если этотъ краснорѣчивый періодъ означаетъ, что въ древности, напр. физика, минералогія, ботаника, химія, существовали въ видѣ *науки*, въ истинномъ значеніи этого слова, то, несмогра на все это краснорѣчіе, мы въ немъ принуждены замѣтить совершенно отсутствіе истинъ.

Въ томъ предположеніи, что г. Воловскій не рѣшилъ въ своемъ умѣ, съ надлежащою твердостью, что такое наука вообще и Политическая экономія въ особенности, убѣждается нась еще и другое, придуманное имъ доказательство тойже темы, что Политическая экономія не есть наука новая. Онъ говоритъ: «Что касается мнимой, первобытной простоты среднихъ вѣковъ, того, что называются экономическими прозябашемъ, которое будто бы составляло приспособляющую форму тогдашней общественной жизни, то, утверждающіе это, забываютъ длинный рядъ коммунистическихъ ученыхъ, которыхъ, въ небольшіе промежутки времени, выразились *кровопролитными борьбами*, и для подавленія которыхъ церковь и свѣтская власть должны были соединить все свои усилия».

Далѣе, какъ доказательство того, что Политическая экономія существовала въ средніе вѣка въ видѣ науки, хотя не въ настоящей формѣ, г. Воловскій приводитъ обычай, постановленія, указы, капитуляры, законы, уставы, въ которыхъ проявлялась экономистъ

номическая жизнь народа, и въ которыхъ онъ видѣтъ **экономическую доктрину**.

Наука должна изслѣдовать и систематически излагать непреложные законы существованія или дѣятельности. Поэтому, совершило безразлично: излагаются ли эти законы въ формѣ капитуларіевъ или трактатовъ, курсовъ и брошюръ, лишьбы изслѣдовались, критически разбирались, и систематически излагались **законы**, а не возврѣнія, ни на чёмъ исоснованный мнѣній или предубѣжденія. Собственно говоря, науку составляетъ не форма, а содержаніе, и содержаніе это должны составлять непреложные законы, и т. Воловскій такого содержанія не отыщетъ ни въ одномъ средневѣковомъ капитуларіѣ. Еще разъ спрашиваемъ: можно-ли въ **слѣдахъ** какихъбы-то ни было **ученій** видѣть **науку**? Можно-ли рѣшеніе какихъбы-то ни было споровъ кулачкомъ, дубиною, саблюю или пиццалю называть научною обработкою истинъ?

Чтоже касается того обстоятельства, что всѣ эти слѣды различныхъ экономическихъ ученій и взглядовъ, всѣ эти борбы и кровавыя схватки, всѣ капитуларіи и указы, служили проявленіемъ экономической жизни народа, проявленіемъ въ этой жизни (положительнымъ или отрицательнымъ) **экономического закона**, это безспорно. А все-таки тогда не было въ человѣчествѣ настоящаго, разумного *сознанія* этого закона, а следовательно не было и Политической экономіи, какъ науки. Экономические интересы общества основаны на самой сущности человѣческой природы: они всегда проявлялись въ жизни народа; но темное понятіе, безотчетное стремленіе еще не составляютъ науки. Съ самого сотворенія міра люди рождались, пытались, спали, бодрствовали; въ ихъ организмѣ существовало кровообращеніе, но все-таки изслѣдовать эти явленія научнымъ образомъ они начали очень недавно, и физиология, какъ наука, существуетъ тоже очень недавно. Можно-ли, основываясь только на томъ, что, въ библейскія времена, люди *варили мясо въ горшкахъ*, сказать, что въ тѣ времена была извѣстна *теорія теплорода*? А вѣдь при вареніи или кипаченіи воды въ горшкѣ повторяются въ почти

явленія, послужившія основаніемъ теоріи теплорода отъ Лавуазіе до Бекереля. Право, изъ взгляда г. Воловскаго на Политическую экономію, какъ науку, можно заключить, что древніе и средневѣковые мыслители похожи на моллеровскаго Журдена, который весь вѣкъ говорилъ прозою, даже не подозрѣвая, что онъ говоритъ прозою.

Г. Воловскій, въ томже сочиненіи (preface, I-III) говорить о другой методѣ Политической экономіи, которую онъ называетъ **рationalьною**: Его взглядъ на эту методу чрезвычайно оригиналенъ и любопытенъ. Изъ этого взгляда можно узпать тѣ причины, которые побудили г. Воловскаго и другихъ ученыхъ отдать преимущество передъ этой методой другой, — исторической.

«Есть другая метода, (говоритъ г. Воловскій) которая, начиная отъ принциповъ очевидныхъ, развиваетъ науку путемъ правильноВыводимыхъ послѣствій, подобно методѣ, употребляемой въ геометріи».

Чтобы кажется лучше, въ этой методѣ, отъ принциповъ решительно **несомнѣнныхъ**, посредствомъ логически выводимыхъ послѣствій, приходитъ къ выводамъ, которые, на основаніи всѣхъ законовъ логики, должны тоже быть **несомнѣнны**. При употреблении этой методы надо только смотрѣть, чтобы принципы, изъ которыхъ делаются окончательные выводы, были дѣйствительно несомнѣнны. Но г. Воловскій смотритъ на этотъ предметъ иначе; онъ говоритъ: «Эта метода увлекательна по ея кажущейся строгости и простотѣ, но она представляетъ важную опасность при ея примѣненіи, когда дѣло идетъ не о *цифрахъ*, но о людяхъ, когда требование столь различная, столь сложная, столь точкія, подвѣщающіяся передъ изслѣдующимъ разумомъ всякой разъ, когда его изслѣдований обращены на человѣчество, сталкиваются съ отвлеченною формuloю, когда, вместо того, чтобы имѣть дѣло только съ *отвлеченностями*, онъ занимается дѣйствительностью».

Изъ этихъ словъ г. Воловскаго слѣдуетъ заключить, что онъ думаетъ, будто предметъ математического анализа составляютъ *цифры*, что этотъ анализъ имѣть предметомъ не законы ума,

дѣйствительно существующіе, но какія-то отвлеченности. Постъ того неудивительно, что онъ отвергаетъ примененіе рациональной методы къ политico-экономическимъ изслѣдованіямъ. Иль этого мнѣнія, однакожъ, видно, что поводы, склонившіе г. Воловскаго отвергнуть рациональную методу были такіе, которыхъ нельзя отказать въ уваженіи. Онъ желалъ отстоять интересы человѣка противу той безпощадной формалистики, которая господствуетъ еще и теперь въ ученіяхъ многихъ экономистовъ, и по которой явленія экономической жизни изслѣдуются, не обращая вовсе вниманія на благосостояніе, на окончательное и нормальное послѣдствіе, посредствомъ котораго должны были верять нормальность самыхъ экономическихъ явленій. Онъ хотѣлъ противодѣйствовать тому взгляду, по которому не дѣлается различія между экономическими явленіями необходимыми и явленіями нормальными. Очевидно, поводы и причины, заставившіе г. Воловскаго сдѣлать этому мнѣнію, тѣ же, которые заставили де-Сисмонди нападать на машины. Очевидно г. Воловскій, въ этомъ отношеніи сдѣлаетъ ученію соціалистовъ, которому онъ сдѣлалъ, какъ было уже замѣчено, и на брюссельскомъ конгрессѣ о литературной собственности, гдѣ онъ сдѣлалъ заключеніе, сходное съ заключеніемъ Прудона. Какъ однако ни благородна цѣль г. Воловскаго, онъ ея рѣшительно не достигнулъ. Онъ, видя всю зловредность некоторыхъ явленій настоящей экономической жизни общества, никакъ не можетъ съ ними примириться; но, съ другой стороны, видя, что эти явленія считаются за логическій выводъ принциповъ, которые учение, придерживающіеся минимой рациональной методы, считаются несомнѣнными, вымѣсто того, чтобы повѣрить несомнѣнность принятыхъ за основаніе принциповъ и правильность дѣлаемыхъ изъ нихъ выводъ, отвергаетъ самую эту методу, и бросается въ безконечный исторический изслѣдованія, лѣмая въ нихъ найти средства къ произведенію необходимыхъ реформъ. Мы не можемъ не провести еще разъ параллели между этимъ мнѣніемъ г. Воловскаго о рациональной методѣ Политической экономіи и ученіемъ де-Сисмонди о машинахъ. По свой природѣ, машины несомнѣнно по-

лезны ; но введение ихъ въ теперешнюю экономическую среду причиняетъ вредъ, тоже несомнѣнныи. Кажется самое естественное заключеніе, которое слѣдуетъ вывести изъ этихъ двухъ положеній, одинаково вѣryмъ, есть, что самая эта экономическая среда ненормальна. Но пѣтъ, де-Сисмонди дѣлаетъ заключеніе: машины вредны. Такъ названная г. Воловскимъ рациональная метода Политической экономіи есть тоже своего рода машина; она очевидно полезна, потому, что необходимо ведеть къ открытию истины; но некоторые ученые примѣнили ее къ политico-экономическимъ изслѣдованіямъ и есть выводы, которые они, на основаніи этой методы, сдѣлали,—нельзя согласиться. Слѣдуетъ-это отсюда заключить, что сама метода никуда не годится ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы полагаемъ, что причиной ложныхъ выводовъ въ Политической экономіи была не рациональная метода изслѣдований, а неправильность ея употребленія, или, лучше сказать, ея отсутствіе. Очевидно, употребившіе эту методу признали за *несомнѣнныи* много принциповъ, которымъ никакъ нельзя признать этого характера, слѣдовательно, они употребляли методу только *мнимо-рациональную*. Г. Воловскій не принялъ этого въ соображеніе, и отвергъ настоящую рациональную методу. Притомъ и аргументы, приводимые г. Воловскимъ въ этомъ случаѣ, замѣчательны. Онъ принимаетъ математику за науку о цифрахъ. Этого мнѣнія мы не можемъ пройти молчаніемъ : оно еще разъ доказываетъ важность точныхъ определеній. Изъ ложнаго определенія математики, г. Воловскій пришелъ къ ложнымъ выводамъ относительно рациональной методы Политической экономіи. Математика есть наука о законахъ человѣческаго разума, относящихся до величины. Поэтому, предметъ ея также *дѣйствителенъ* (*réel*), какъ и предметъ всѣхъ прочихъ наукъ. Цифры въ математикѣ, какъ это общезвестно, составляютъ только знаки, посредствомъ которыхъ формулируются положенія и выводы науки. Сказать, что эти знаки составляютъ предметъ математики всеравно, что утверждать, что грамматика не есть наука о законахъ построения рѣчи, а наука о существительныхъ, прилагательныхъ, запятыхъ, и т. д., что физиология не есть наука

о законахъ организма, а наука о *латинскихъ терминахъ*, которыми названо пищеварение, кровообращение и т. д. Такое понятие о грамматикѣ намъ еще случалось встречать у некоторыхъ *мыслителей*; о физиологии ни у кого, а о математикѣ—у первого г. Воловского.

Далѣе, г. Воловской, доказывая неосновательность принятаго у Россіи дѣленія Политической экономіи на рациональную и прикладную, еще яснѣе высказываетъ свой взглядъ на такъ-называемую имъ рациональную методу этой науки и на математику,—взглядъ, раздѣлить которого мы рѣшительно не въ состояніи. Онъ говоритъ: «*Отвлеченные выводы чистой науки не могутъ насъ успокоить, потому, что они разсматриваютъ человѣка больше, какъ силу вещественную, нежели какъ силу нравственную; въ соприкосновеніи съ строгими приемами математической спекуляціи, человѣкъ выдается величиною постоянной для всѣхъ временъ и всѣхъ мѣстъ, тогда какъ въ действительности онъ есть величина переменная*» (preface, IV).

Признаемся, мы не знаемъ, да и не желаемъ знать, бываются ли выводы какой-либо науки отвлеченными или конкретными, мы только заботимся о томъ, чтобы они были *истинны*. Не составляются ли странного злоупотребленія научныхъ выражений слова г. Воловского, что «отвлеченные выводы рациональной Политической экономіи разсматриваютъ человѣка, какъ силу вещественную, какъ величину постоянную», не составляется ли такого же злоупотребленія его выражение, что «человѣкъ должно рассматривать какъ величину переменную!»—Если все это должно означать, что человѣкъ нельзя рассматривать единственно, какъ *работника, какъ механическую силу, производящую цѣльность, какъ средство*, то мысль эта спрашивава; но настоящая, истинная рациональная метода Политической экономіи и не думаетъ рассматривать человѣка, какъ *средство*; она въ немъ видитъ *субъекта цѣльности*, точно также, какъ законовѣданіе видитъ въ немъ *субъекта права*. Очевидно, г. Воловской имѣлъ въ виду не настоящую, а *мнимо-рациональную* методу. Если, какаябы-то ни была метода Политической экономіи, видя, что при теперешнихъ

экономическихъ условіяхъ общественной жизни, *человѣкъ* принимается за *средство*, и эксплуатируется,—признаетъ это явленіе нормальнымъ, и старается оправдать и осмыслить его различными софистическими хитросплетеніями, то такую методу нельзя называть рациональною, и тѣмъ менѣе можно ее сравнивать съ математическимъ анализомъ, этимъ чудеснымъ орудіемъ для добыванія истины.

Что, къ несказанному нашему удивленію, г. Воловской не даетъ себѣ вѣрного отчета о значеніи Политической экономіи и математики, въ томъ мы убѣждаемся еще изъ приведенныхъ выше словъ г. Воловского, что при примененіи къ поэтико-экономическимъ изслѣдованіямъ математического анализа, человѣкъ становится величиною постоянной, между тѣмъ, какъ онъ действительно бываетъ *величиною переменной*. Какъ! Развѣ Политическая экономія рассматриваетъ человѣка, какъ *величину*? Развѣ есть такая наука, которая рассматриваетъ человѣка, какъ величину? Да наконецъ, и самую математику можно ли назвать наукой о величинѣ? Не есть-ли она скорѣе наука о законахъ человѣческаго разума, относящихся до величины, какъ одной изъ формъ, подъ которыми разумъ этотъ понимаетъ явленія? Политическая экономія, какъ изслѣдованіе и изложеніе непреложныхъ законовъ общество-экономической дѣятельности человѣка, никакъ не можетъ рассматривать его, какъ *величину*. Есть предметы, которые въ этой науцѣ, по ихъ природѣ, должны быть разсматриваемы, и дѣйствительно разсматриваются, какъ *величина*; но *человѣкъ* не принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ; къ числу такихъ предметовъ, между прочими, принадлежать: *чѣльна, капиталъ, сумма препятствий умноженія народонаселенія, чѣльность, скорость этого умноженія и т. д.* Эти предметы по ихъ природѣ должны быть изслѣдуемы и разсматриваются, какъ величина:—они могутъ быть выражены въ различныхъ математическихъ формулахъ, могутъ быть величинами постоянными и переменными, могутъ быть даже функциями одна другой. Какъ важенъ и какъ плодотворенъ такой образъ рассматриванія

этихъ предметовъ Политической экономіи , доказываютъ Фор-
мулы Кетрэ и фон-Тюнсена.

Итакъ, г. Воловскій предпринялъ доказать превосходство исторической методы политico-экономическихъ изслѣдований передъ тою, которую онъ называетъ рациональною, предпринялъ это съ цѣлью самою благородною; но, на нашъ взглядъ, цѣли этой совершенно не достигъ.

Слѣдуетъ ли однокожъ изъ этого, что историческія изслѣдованія должны быть исключены изъ области Политической экономіи? Мы этого не думаемъ. Въ приведенномъ уже сочиненіи г. Воловскаго говорится: «Впрочемъ принципы могутъ быть установлены не менѣе твердо посредствомъ исторической индукціи, какъ и догматического вывода.» Въ добрый часъ! Съ этимъ нельзѧ не согласиться. Какъ скоро признается необходимость изслѣдованія и установлѣнія настоящихъ принциповъ науки, непреложныхъ законовъ человѣческой деятельности, — все дороги, все средства, ведущія къ этой цѣли, хороши. Въ этомъ отношеніи, хотя историческія изслѣдованія и могутъ привести несомнѣнную пользу Политической экономіи, все-таки историческая метода не должна въ ней преобладать исключительно. Она, какъ способъ примѣнять къ явленіямъ экономической жизни критерій благосостоянія, можетъ служить подтвержденіемъ выводовъ настоящаго, научнаго, рациональнаго изслѣдованія этихъ законовъ. Она должна научить настъ, явленія общественно-экономической жизни, несомнѣннымъ послѣдствіемъ которыхъ было благосостояніе, почитать нормальными; явленія же, имѣющія послѣдствія противоположныя — аномальными; но, всегда единственную задачу Политической экономіи какъ науки, должно быть изслѣдованіе и изложеніе нормъ этой общественно-экономической жизни. Такое изслѣдованіе укажетъ намъ необходимо и многія отступленія отъ нормы, отступленія, причиною которыхъ должно необходимо признать смигшшное дѣйствіе фаталитета и человѣческой свободы. Изслѣдованіе и изложеніе этихъ аномальныхъ явленій общественно-экономической жизни, ихъ причинъ и послѣдствій, точное опредѣленіе той части причинъ этихъ явленій, которая принад-

должить фаталитету, обстоятельствамъ независящимъ отъ воли человѣка, и той, которая зависитъ отъ его свободы, однимъ словомъ изслѣдованіе и изложеніе внутренней, на природѣ всѣй основанной необходимости и послѣдовательности, въ которой аномальныя, болѣзнистые явленія общественно-экономической жизни человѣчества происходили въ исторіи, должно составлять предметъ особой науки, которую можно назвать общественной патологію. Само собою разумѣется, что такое изслѣдованіе аномальныхъ явленій общественно-экономической жизни, такихъ экономическихъ болѣзней, должны повести къ ихъ прекращенію.

Если применение къ Политической экономії историческихъ из-
слѣдований, на изложенномъ основаніи, можетъ принести для этой
науки несомнѣнную пользу, тѣмъ болѣе рациональное изслѣдова-
ніе общественно-экономическихъ законовъ, примѣненное къ исто-
рии, принесетъ пользу этой послѣдней наукѣ. До сихъ поръ,
исторія была только изложениемъ явлений политической жизни
народовъ, описаніемъ дѣятельности правителей и полководцевъ. Если
въ ней и были попытки изслѣдованія нормъ общественной жиз-
ни, то за такія нормы принимались по большей части явленія
чудовищныя, составляющая видимое отступление отъ непрелож-
ныхъ законовъ человѣческой природы, и для оправданія такихъ
взглядовъ строились теоріи одна другой страннѣ. Введение въ ис-
торію изслѣдованія законовъ общественно-экономической жизни,
не только будетъ служить необходимымъ ея дополненіемъ; но,
еще на мѣсто теперь существующей исторіи, составляющей лишь
описаніе фактовъ политическихъ, явлений чудовищныхъ и аномаль-
ныхъ, служащей только ареной борьбы различныхъ произ-
вольныхъ теорій, поставить исторію настоящую, науку, изслѣдуую-
щую непреложные законы существованія и дѣятельности человѣ-
чества, въ икъ проявленій въ самой жизни человѣчества, въ ис-
торіи.

Нужно-ли еще говорить о раздѣлении Позитивской экономіи на теоретическую и практическую, принятому некоторыми учеными, какъ наприм. Росси и Курсель-Сенейлемъ? Мы уже вы-

сказали наше мнѣніе объ этомъ преметѣ тамъ, гдѣ рѣшили вопросъ, нужно ли почитать Политическую экономію наукой или искусствомъ; здесь добавимъ еще вѣкоторыя замѣчанія. Мы въ этомъ отношеніи придерживаляемся мнѣнія Ж. Б. Сэя, который, какъ известно, не допускаетъ такого дѣленія. Мы никакъ не можемъ согласиться назвать прикладной Политической экономіи наукой: мы для нея оставляемъ название ремесла, искусства. Человѣкъ, сознавъ законы общественно-экономической жизни, вслѣдствіе своей свободы, можетъ съ ними сообразовать свою дѣятельность, или уклоняться отъ ихъ исполненія. Въ одномъ и другомъ случаѣ онъ необходимо долженъ испытывать изгѣстія послѣдствій. Такъ какъ послѣдствія эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть для него безразличны, то онъ, очевидно, имѣеть интересъ сообразовать свою дѣятельность съ экономическими законами, открытыми разумомъ и опытомъ. Но для всякой дѣятельности нужна снаровка и привычка; эта *снаровка и привычка* есть *сообразно сознаннымъ непреложнымъ общественно-экономическимъ законамъ*, составлять особенное искусство, которое человѣку дается тѣмъ трудѣе, чѣмъ больше время, въ которое онъ отступалъ отъ этихъ законовъ, чѣмъ значительнѣе по количеству и качеству самыя эти отступленія. Можно, пожалуй, это искусство назвать и прикладною Политической экономіею, есть же прикладная математика, только, по нашему мнѣнію, она не наука, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Отношеніе между теоретическою политической экономіею, и Политической экономіею прикладною такое точно, какъ между чистою и прикладною математикою, съ тою только разницей, что пользоваться для извѣстныхъ цѣлей законами математическими необходимо вѣкоторымъ специалистамъ; сообразоваться слѣдуетъ въ своихъ дѣятельностяхъ съ общественно-экономическими законами, равно какъ и соблюдать законы гигиены, необходимо всемъ и каждому.

Изъ нашего опредѣленія Политической экономіи, какъ науки, слѣдуетъ, что критеріумомъ ея изслѣдованія необходимо должно быть благосостояніе. Мы не находимъ нужнымъ добав-

лять, что экономическое благосостояніе общества находится въ тѣсной связи съ общественнымъ благосостояніемъ вообще. Общественная жизнь — одна и цѣлостна. Ея отдельные явленія или группы явленій могутъ быть предметомъ отдельныхъ изслѣдований человѣческаго разума, отдельныхъ наукъ; но, тѣмъ не менѣе эти отдельные изслѣдованія и науки необходимо состоять между собою во внутренней связи и зависимости. Какъ самая общественная жизнь тогда только можетъ быть названа полною и нормальною, когда всѣ ея явленія находятся въ гармонической связи между собою, такъ и общественная наука, вѣрное отраженіе этой жизни, тогда только можетъ быть названа полною, когда всѣ отдельныя ея части, при всемъ ихъ разнообразіи, излагаютъся въ тѣсной и гармонической связи между собою и въ систематической единѣ отъ другой зависимости.

Предложенное здесь опредѣленіе Политической экономіи исключаетъ даже возможность найти какія-либо противурѣчія между основными положеніями этой науки и началами нравственности, правды и справедливости. При такомъ взгляде на науку, есть возможности дѣлать ей упрековъ въ жестокосердіи, безнравственности и материализмѣ. Отчего же еще и теперь, учёные задаются себѣ трудомъ доказывать, что Политическая экономія не противурѣчить нравственности, религіи, и опровергать дѣлаемыя за эту науку нападенія? Очевидно оттого, что они не надлежатъ понимать образомъ понимаютъ самую науку. Далеко не всѣ положенія и начала, принимаемыя ими за истинныя, могутъ быть признаны такими: многія изъ нихъ рѣшительно должны быть всѣ начала, не могущія выдержать критеріума благосостоянія, и тѣмъ самымъ находящіяся въ явномъ противурѣчіи съ началами нравственности, правды и справедливости. Послѣ такого исключенія, защищать Политическую экономію отъ нападеній, будетъ трудъ излишній — на нес не будетъ никакихъ нападеній. Мы уже коснулись этого премета, въ одному изъ прошлыхъ нашихъ разсужденій (Экономистъ 1859 г., VI). Теперь добавимъ только, что собственно говоря и не было нападеній на Политическую экономію какъ на науку; нападенія эти дѣлались или на тѣ положенія

жения, которая неправильно вводились въ науку, или на самыхъ ученыхъ, занимающихся политико-экономическими изслѣдованиеми, а что они заслуживаютъ такія нападенія, мы это постараляемся доказать въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего разсужденія. Эти нападки на Политическую Экономію можно сравнить съ тѣми, которые дѣлаются иногда на представительную систему во Франціи. Собственно говоря, дѣлаются нападки не на эту систему, а на людей, не умѣвшихъ ею пользоваться или употреблявшихъ ее единственно для преслѣдованія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Порицается не система, а партія доктринеровъ, ея недобросовѣтность, неумѣніе управлять при ненасытномъ желаніи власти и непослѣдовательность разъ принятыхъ за рациональныя началь. Порицается наприм. то, что доктринеры сами провозглашали принципъ невмѣшательства правительства въ дѣло промышленности и самі же постоянно этотъ принципъ нарушали, и то всегда въ пользу богатыхъ и сильныхъ, а во вредъ слабымъ и бѣднымъ. Когда въ Ліонѣ работники требовали *права на трудъ*, имъ отвѣчали штыками и картечью, но въ тоже время поддерживали покровительственную систему, которая есть ничто иное какъ тоже *право на трудъ*, но только въ пользу богатыхъ. Когда работники, пользуясь началомъ ассоціаціи, соединялись между собою для того, чтобы выторговать лучшія условия сбыта своего труда, и даже для того, чтобы узнать настоящую рыночную цѣну этого труда, къ нимъ прѣмѣнили законъ о возмущеніяхъ; когда же самое дѣлали богатые капиталисты-предприниматели, въ отношеніи къ работникамъ, когда они, стакнувшись между собою, назначали *maximum* задѣлкой платы, доктринерскіе министры находили это очень обыкновеннымъ и совершенно законнымъ, потому, что стакнувшіеся предприниматели были виѣстѣ и избирателями. Нападали и нападаютъ не на представительную систему, а на плохихъ ея сторонниковъ, и недобросовѣтныхъ защитниковъ, нападали и нападаютъ не на настоящую Политическую Экономію, а на Политическую Экономію, выдуманную некоторыми учеными, или скорѣе на экономи-

ство, плохо наблюдающихъ факты экономической жизни и не умѣющихъ отыскивать настоящихъ ея законовъ.

Тѣмъ не менѣе еще и теперь многіе экономисты, отстаивая Политическую Экономію противу мнѣній нападеній, симяется доказать, что эта наука не противна религіи, нравственности и справедливости, что нравственность не противоположна материальному интересамъ. Эту послѣднюю тему старался доказать и покойный Бастіа въ извѣстномъ сочиненіи: «Что видно и чего не видать, или Политическая Экономія въ одной лекціи.» Признаемся откровенно, что человѣкъ, постоянно и при всакомъ случаѣ напоминающій о своей честности, всегда много говорящій о своихъ правилахъ, казался намъ всегда подозрительнымъ; такъ точно намъ кажется подозрительною и эта безпрерывная защита Политической Экономіи. Намъ кажется, что истина всего лучше запищается простычъ ея изложеніемъ. Кому напримѣръ взлумается предполагать курсу механики защитительную рѣчь въ пользу излагаемыхъ въ этомъ курсѣ истинъ? А вѣдь и теперь еще есть много дизентантовъ науки, сторонниковъ безпрерывнаго движенія, которые стало быть не допускаютъ истинности механическихъ звѣздоръ, излагаемыхъ обыкновено во всякомъ курсѣ механики, *нападають на эту науку*. Кому придется въ голову доказывать, что правило: «люби ближнаго, какъ самого себя» не противно правдѣ и справедливости? По нашему мнѣнію, и экономистамъ следовало бы ограничиться изложениемъ началъ науки и, если началь эти дѣйствительно истинны, не противны правдѣ и справедливости, если систематическое ихъ собрание заслуживаетъ названія науки, вовсе не заботиться объ ихъ защитѣ противу различныхъ нападеній: нападенія эти не повредятъ науку. Въ противномъ случаѣ... во посмотришь, какъ Бастіа доказываетъ свое положеніе, что нравственность не противна материальнымъ интересамъ.

Въ приведенномъ выше сочиненіи, Бастіа говоритъ, что въ обществѣ, въ обыденномъ употребленіи находится много мнѣній несправедливыхъ и неосновательныхъ; таково между прочими мнѣніе, что нравственные и материальные интересы враждебны

другъ другу, что нравственность напр. требуетъ бережливости, а материальные интересы требуютъ расточительности: «расточительный дѣлаетъ вредъ самому себѣ, но обогащаетъ государство, поощряя промышленность, а колящій деньги изсушаетъ соки народной жизни» — эти мнѣнія повторяются даже людьми, не лишенными пѣкоторой важности, но Бастіа доказываетъ всю ихъ ложность. Мнѣнія эти онъ рассматриваетъ съ двоякой стороны: по ихъ отношенію къ поощренію промышленности и свободѣ торговли, и по ихъ отношенію къ требованіямъ нравственности. Первое отношеніе будетъ предметомъ нашихъ изслѣдоавій дальнѣе, когда мы будемъ говорить о свободѣ торговли; теперь же займемся темою Бастіа, что нравственность не противна материальнымъ интересамъ. Тема эта очевидно предназначена служить защитою Политической экономіи, какъ ее понимаютъ Бастіа, М. Шевалье, и т.д. противъ нападеній. Эта тема равнозначаща положенію: «настоящий образъ производства промышленности, есть необходимый, нормальный, и единственно составляющій предметъ Политической экономіи, но онъ противъ нравственности.» Посмотримъ, до какой степени это сараведливо

Прежде всего замѣтимъ, что выраженіе Бастіа *нравственные и материальные интересы* темою, сбивчиво и неточно. Человѣкъ, собственно говоря, можетъ имѣть только интересы *человѣческіе*, и никакая противоположность нравственныхъ его интересовъ его интересамъ материальнымъ можетъ существовать только въ воображеніи мыслителей, не погруженныхъ рационально изслѣдоватъ человѣческой природы. Такое рѣзкое дѣленіе природы человѣка на явленія и силы, другъ другу враждебныя и совершенно противоположныя, едва ли можетъ быть допущено современною наукой; поэтому мы и полагаемъ, что покойный Бастіа, говоря о нравственныхъ и материальныхъ интересахъ человѣка, и не имѣть въ виду этого дѣленія. Онъ, очевидно, подъ именемъ нравственныхъ интересовъ, подразумѣвалъ требования нравственности, а подъ материальными интересами онъ разумѣлъ вѣроятно основанія и законы промышленности. Но, и въ такомъ случаѣ, если допустить, что промышленность есть закон-

ная и разумная дѣятельность человѣка, имѣющая результатомъ удовлетвореніе разумныхъ и законныхъ его потребностей, то такая дѣятельность, какъ мы уже видѣли это, не можетъ быть названа исключительно материальною, потому, что она удовлетворяетъ не одинъ материальнымъ потребностямъ человѣка; и дѣйствительно между требованіями нравственности и законами такой дѣятельности не можетъ быть ни малайшаго противорѣчія, ни противоположности. Мы уже замѣтили, что этого не нужно и доказывать, особенномъ образомъ; это докажетъ очень естественно и просто самое простое изложеніе законовъ этой дѣятельности. Но теперь рождается вопросъ, нѣтъ ли противоположности между требованіями нравственности и явленіями и началами той промышленной дѣятельности, которая производится теперь, въ теперешнихъ человѣческихъ обществахъ? Замѣтимъ притомъ, что Бастіа и многие другие ученые, напр. Молинари, почитаютъ коренные условия этого образа производства промышленности необходимыми, нормальными, единственными возможными и составляющими настоиній предметъ науки. Для решенія этого вопроса возьмемъ изъ энциклопедіи случаевъ два не гадательныхъ и не придуманныхъ, но дѣйствительно бывшихъ недавно, въ Россіи, и притомъ случаи техническіе, могущіе служить образцомъ всѣхъ другихъ подобного рода, и явно основанные на коренныхъ условияхъ теперешняго образа производства промышленности. 1859 г. мая 25 въ Казани былъ пожаръ. На другой же день послѣ пожара, домохозяева начали непомѣрно возвышать цѣны на квартиры. Даже больше, во время самого пожара, (какъ сказано въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, где это извѣстіе было приведено изъ казанскихъ губернскихъ вѣдомостей) многие хозяева ходили уже по квартирамъ постояльцевъ и надбавляли цѣны. Въ Казани же былъ и другой случай, описанный тоже въ Казанскихъ губернскихъ и С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ (за 1859 года № 174): Одинъ значительный казанскій купецъ, въ предположеніи, что по слухамъ засухи бывшей летою 1859 г. въ краѣ, прилежащемъ Казани, можетъ быть неурожай на хлѣбъ, и что въ такомъ случаѣ цѣны на этотъ продуктъ значительно по-

дымутся къ осени, закупилъ весь запасъ хлѣба, бывшій въ то время въ Казани, даже большую часть хлѣба, находящагося въ мезоничныхъ лавочкахъ, съ очевидною цѣлью получить въ послѣдствіи значительный барышъ, т. е. другими словами, съ цѣлью лишить другихъ промышленныхъ дѣятелей значительной части ихъ дохода. Спрашивается: можно-ли эти дѣйствія казанскихъ домохозяевъ и казанскаго хлѣбнаго спекулятора оправдать на основаніи законовъ нравственности, и можно-ли ихъ въ чёмъ либо упрекнуть, оцѣнивъ ихъ дѣйствія сообразно основаніямъ и начальамъ, на которыхъ производится промышленность въ теперешнемъ ея видѣ? Не забудемъ при томъ, что эти основанія и начала почитаются за необходимыя, нормальныя, единственно возможныя и составляющія настоящій предметъ Политической экономіи.

Для полнаго решенія этихъ вопросовъ, для первої оцѣнки приведенныхъ фактовъ, мы не остановимся на ихъ безусловномъ осужденіи на основаніи законовъ нравственности, какъ это сдѣлано было во многихъ журналахъ, описывавшихъ эти случаи. Мы даже не будемъ, на основаніи этихъ законовъ осуждать и другихъ всѣхъ, однородныхъ съ приведенными, случаевъ; мы только постараемся доискаться побужденій къ такого рода дѣйствіямъ, посмотримъ, могли-ли лица, о которыхъ здесь говорится, не поступать такъ, какъ они поступали.

Относительно казанскихъ домохозяевъ, прежде всего естественно рождается вопросъ: имѣли-ли они возможность до пожара, получать отъ своихъ домовъ весь доходъ сполна, соответствующій капиталу, употребленному на ихъ постройку? И въ случаѣ, если они действительно такой возможности не имѣли, то можно-ли ихъ осуждать за то, что они, когда запросятъ на квартиры усилится, воспользовались этой случаемъ для увеличенія своего дохода? Конечно, интересъ ихъ въ этомъ случаѣ былъ прямо противоположенъ интересу многихъ другихъ людей; допустимъ, что онъ даже не согласовался съ требованіями нравственности; но во-первыхъ, они-ли виноваты въ этомъ? Не основанія эти интересъ на началахъ, имѣло независящіе отъ произ-

вола и вліянія? Не такой-ли совершенно характеръ противуположности интересовъ другихъ и требованій нравственности имѣютъ и интересы многихъ другихъ, и даже рѣшительно всѣхъ промышленныхъ дѣятелей? Существование многочисленныхъ и тяжелыхъ болѣзней въ данномъ большомъ городѣ не приноситъ-ли пользы медикамъ и аптекарямъ, и потому не составляетъ-ли ихъ интереса? Два торговца быками пригоняютъ свои гурты въ С.-Петербургъ около Пасхи; спрашивается: если въ одномъ изъ этихъ гуртовъ скотъ выпадетъ весь, то другой гуртовщикъ, скотъ у которого уцѣлѣлъ, не будетъ-ли радъ этому? Во-вторыхъ, интересъ въ этомъ случаѣ казанскихъ домохозяевъ и казанскаго хлѣбнаго спекулятора, хотя и кажется противнымъ нравственности, но это такъ только кажется. Г. Молинари доказываетъ вамъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что этого быть не можетъ; а если вы съ нимъ не согласитесь, то въ такомъ случаѣ вы очевидно коммунисты.

По пойдемъ дальше. Въ промышленномъ отношеніи, (а мы думаемъ, что всякий согласится, что это самое важное отношеніе) всѣ, безъ исключенія, члены общества раздѣляются на четыре категории: землевладѣльцевъ, капиталистовъ, предпринимателей промышленности и работниковъ. Стоитъ только съ вниманиемъ поверхностнымъ присмотрѣться къ жизни, чтобы убедиться въ томъ, что положеніе предпринимателей промышленности, если они вмѣстѣ съ тѣмъ не капиталисты, и особенно работниковъ, въ сравненіи съ положеніемъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, весьма незавидно. Собственно говоря, только землевладѣльцы и капиталисты имѣютъ возможность удовлетворять свои потребности, совершенствоваться и развиваться съ некоторою уѣренностю въ томъ, что передадутъ своимъ потомкамъ возможность подобного развитія и совершенствованія. Всего этого лишены работники-пролетаріи: они составляютъ массу, лишенную всѣхъ средствъ къ развитію, а тѣмъ больше возможности передать эти средства своему потомству. Любая статистика покажетъ наблюдателю, что огромное большинство преступниковъ набирается въ массѣ пролетаріевъ. Очевидно, экономистъ

жизненный интересъ всякаго капиталиста и землевладельца состоить въ томъ, чтобы и самому не выйти изъ категоріи капиталистовъ или землевладѣльцевъ, и это качество капиталиста или землевладѣльца передать своему потомству. Скажемъ больше: въ этомъ состоитъ не только интересъ землевладѣльца и капиталиста, но ихъ великая нравственная обязанность. Мы думаемъ, что никто не станетъ оспаривать той мысли, что недопустить дѣтей своихъ перейти въ массу пролетаріевъ, подверженную господству случайности, порока, преступлениія, преждевременной смерти, и лишенную возможности нравственнаго развитія, составляетъ священную обязанность всякаго капиталиста, отца семейства. Очевидно также, что достигнутие удовлетворенія своего интереса исполнить самую священную обязанность въ отношеніи своихъ потомковъ, капиталистъ, отецъ семейства, можетъ не иначе, какъ заботясь о томъ, чтобы капиталъ его не только не уменьшался, но, напротивъ, чтобы онъ постоянно увеличивался; тѣмъ болѣе, что капиталъ этотъ со временемъ долженъ будуть раздѣлиться на нѣсколько частей, доходъ отъ которыхъ еще необходимо уменьшится отъ конкуренціи. Очевидно также, что вслѣдствіе того же совершенно законнаго побужденія, землевладѣльце принужденъ или увеличить свой участокъ земли, или въ качеству землевладѣльца стараться прибавить и качество капиталиста. Если все это справедливо, то на какомъ основаніи станемъ осуждать домохозяина за то, что онъ, всѣми возможными средствами, старается увеличить свой доходъ, для того, чтобы составить капиталъ, силу, существующую удержать его и его потомковъ на пути прогресса и нравственнаго совершенствованія, предохранить его и его потомковъ отъ паденія въ бездну пролетаріата, преступлениія и т. д. На какомъ основаніи осуждать капиталиста предпринимающаго операциі, могущую привести ему значительный доходъ, значительный процентъ на его капиталъ? Вѣдь, во-первыхъ, эта операциі основана самыи точнымъ образомъ на положительныхъ законахъ, на добровольномъ договорѣ; а, во-вторыхъ, она основана самыи точнымъ образомъ и на коренныхъ условіяхъ тендершиаго обра-

за производства промышленности, необходимаго, нормального, и, по мнѣнію многихъ ученыхъ, единственно возможнаго. Вѣдь въ этой операциі капиталистъ пользуется только экономическимъ закономъ отношеній предложеній къ требование, и если онъ употребляетъ его въ свою пользу, то рѣшительно не мѣшаетъ тоже дѣлать и другимъ; вѣдь онъ употребляется здѣсь въ дѣло только спекуляцію. Это, по мнѣнію Мэнкілока, личное орудіе, данное про-видѣніемъ для направленія корысти и эгоизма къ общему благу. И въ самомъ дѣлѣ, теорія и опытъ убѣждаютъ, что, при теперешнемъ устройствѣ промышленныхъ отношеній, при которыхъ корысть и эгоизмъ, необходимость полученія дохода, служатъ единственными побужденіемъ къ промышленной дѣятельности, совершение устраниніе спекуляціи, вместо облегченія удовлетворенія потребности, напротивъ затруднить его до безконечности, вместо удешевленія полезныхъ предметовъ сдѣлаетъ ихъ безконечно дорогими. Въ третьихъ, хотя эта операциі кажется и несогласно съ требованіями нравственности, но авторитеты науки, Бастіа, Моннари и т. д. доказываютъ, что она имѣла этимъ требованіямъ не противна. Въ четвертыхъ наконецъ, интересъ хлѣбного спекулятора и священная его обязанность, нравы позволяютъ ему постоянно увеличивать его капиталъ, а этого увеличенія онъ достигнуть можетъ не иначе, какъ предпринимая выгодныи операциі. Операциі съ капиталомъ, которую мы здѣсь разсматриваемъ (закупка хлѣба), и выгодна и легальна, и притомъ совершенно ограждена отъ полицейской регламентациі, какъ основанная на экономическомъ законѣ, совершенно независима отъ этой регламентациі. А между тѣмъ, несмотря на всѣ увѣренія авторитетовъ науки, съ нравственной точки зренія, она, операциі эта, совершенно походить на ту, которую бы предпринялъ извѣстнаго рода промышленникъ надъ нашимъ карманомъ, застигнувъ васъ при обстоятельствахъ, при которыхъ вы добровольно должны были бы согласиться сдѣлаться предметомъ его операциі и въ иѣтъ, совершенно огражденномъ отъ полицейской регламентациі. При сравненіи этихъ двухъ операций, на основаніи требованій нравственности, предстоитъ только *

рѣшить вопросъ: что действительное для получения добровольного согласія голодъ, или револьверъ? Но если приведенную операцию (закупка хлѣба въ Казани) рассматривать единственно съ точки зорѣй экономической, по ея послѣдствіямъ для большинства, то нельзя не видѣть, что она приноситъ этому большинству вредъ несомнѣнныи: она полагаетъ значительное прензитетѣе настоящему экономическому интересу этого большинства, удовлетворенію самой необходимой его потребности. И между тѣмъ, эта операция до того основана на коренныхъ условіяхъ тѣ перешкоды, что образа производства промышленности, что еслибы даже и можно было, посредствомъ вмѣшательства власти, достичнуть прекращенія даже всѣхъ подобного рода спрацій, то это прекращеніе вмѣсто пользы, принесло бы въ редъ еще больший. Не доказываетъ-ли это, что, въ теперашнемъ экономическомъ быту общества, существуетъ совершенный хаосъ; и удивительно-ли, что, до сихъ поръ, дѣлаются нападки на ученыхъ, прѣлающихъ этому хаосу качеству разумности, и желающихъ его сдѣлать настоящимъ предметомъ науки?

Здѣсь мы предвидимъ возможность и такого романтическаго разсужденія: и если капиталистъ желаетъ удержать своихъ потомковъ, на пути прогресса, то кажется, онъ долженъ больше всего заботиться объ ихъ воспитаніи, стараться сдѣлать ихъ людьми образованными и нравственными. Но, допустивъ даже, что капиталистъ и успѣлъ сдѣлать своихъ дѣтей людьми образованными и нравственными, но, если при этомъ образованіи дѣти его останутся бѣдны, то могутъ-ли они, въ свою очередь, образовать своихъ дѣтей, удержать ихъ на пути прогресса. Очевидно нѣтъ, очевидно такая возможность образования и развития необходимо будетъ уменьшаться съ каждымъ поколѣніемъ, и наконецъ совершенно исчезнетъ. Очевидно, такое возраженіе можетъ быть сдѣлано только какимъ-нибудь романтическимъ поэтомъ; люди практическіе его не сдѣлаютъ. Судь обѣ этомъ предметѣ людей практическихъ, лучше всего выраженъ въ заменитомъ изреченіи знаменитаго министра: «обогащайтесь.» Кромѣ того, надо еще замѣтить, что образованные пролетаріи люди самые несчастные

и не безъ основанія считаются самыми опасными элементомъ общества. Не даромъ, въ Пруссіи, тѣ сколько заботятся объ образованіи народа, образование это, одножъ, удерживаютъ въ извѣстныхъ границахъ. Когда, въ 1858 году *Independaunce Belgie* въбуждиза вопросъ объ обязательномъ образованіи для бѣднаго класса, нашлись многие практическіе люди, выказавшіе всю опасность подобной мѣры.

Нѣтъ, что ни говорите, а интересъ и даже священная обязанность всякаго капиталиста, побуждаеть его безпрерывно и постоянно увеличивать свой капиталъ; увеличиватъ же его онъ можетъ не иначе, какъ употребляя его на выгодныя для себя и притомъ, разумѣется, легальныя и хорошо-огражденныя отъ полицейского вмѣшательства операции. А если операций, выгодныя для него не такъ выгодны для другихъ... то какъ быть? Виноватъ въ этомъ конечно не онъ; вѣдь операций эти онъ рѣшительно долженъ предпринимать въ виду *самосохранія*.

Мы предвидимъ еще одно возраженіе; намъ могутъ сказать: «хотя капитализмъ имѣть интересъ и даже обязанность заботиться о постоянномъ увеличеніи своего капитала, и, следовательно, предпринимать операции, приносящія хороший барышъ, во онъ можетъ предпринимать операции въ равной мѣрѣ выгодныя для другихъ, какъ и для него самого.» На это мы отвѣтимъ: это, другими словами значитъ, что интересъ его, какъ производителя совершенно согласенъ съ интересомъ потребителей, что требуется еще доказать, и что мы рѣшительно отвергаемъ, и, какъ читатель увидитъ дальше, не безъ основанія. Да притомъ, кто намъ можетъ сдѣлать это возраженіе? Отъ соціалистовъ мы его не ожидаємъ; что же касается экономистовъ въ строгомъ смыслѣ, то они очень хорошо знаютъ, что въ *дѣлѣ промышленности, личный интересъ лучшій руководитель*, и что если капиталистъ, о которомъ здесь идетъ рѣчь, употребилъ свой капиталъ на спекуляцію хлѣбомъ, то вѣроятно эта операция обѣщаила ему самое выгодное изъ всѣхъ возможныхъ употреблений его капитала.

Нужно-ли доказывать, что всякая законодательная мѣры, всякая полицейская регламентациі, которыѣ можно употребить какъ въ приведенномъ здѣсь случаѣ, такъ и въ случаяхъ, съ нимъ однородныхъ, для того, чтобы удержать спекуляторовъ на пути нравственности, правды и справедливости, совершенно недѣйствительны, и, при теперешнемъ образѣ производства промышленности, принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы. Мы полагаемъ, что это будетъ бесполезно, потому, что это доказано еще по-коемъ Ж.-Б. Свѣтъ какъ нельзя лучше.

Для доказательства тѣмы, что нравственность не противна материальнымъ интересамъ, что бережливость одобряется, а мотовство осуждается равно нравственностью, какъ и материальными интересами, Бастіа, въ сочиненіи, о которомъ мы начали говорить, приводитъ притчу обѣ Аристѣ и Мондорѣ. Они оба имѣютъ по 50,000 фр. годового дохода, но пользуются этимъ доходомъ совершенно различно: Мондоръ живетъ раскошно, и потому его вѣдь восхваляютъ, какъ благодѣтеля рабочаго класса, но кроме того Бастіа говоритъ, что онъ циникъ, мотъ, и забрызгиваетъ пѣшеходовъ грязью, и *потому въ концѣ* окончательно разоряется. Аристѣ, наоборотъ, пользуется своимъ доходомъ уѣбревно и съ расчетомъ, и потому экономически награждается тѣмъ, что увеличиваетъ свой капиталъ. Рѣшительно не понятно, почему Бастіа приспѣваетъ Мондору цинизму, и заставляетъ его забрызгивать пѣшеходовъ грязью: вѣдь ни цинизмъ, ни забрызгивание кого-либо грязью не составляютъ принадлежности роскоши, а онъ имѣлъ въ виду только доказать, что *роскошь вредна*. Еслиже онъ хотѣлъ доказать, что нравственность (благонравіе) всегда, кроме награды въ собственной совѣсти благородного человѣка, еще награждается и экономически, то во-первыхъ, можно-ли что либо доказать точнымъ образомъ посредствомъ произвольно придуманной сказки о лицѣ, которое является различными пороками тоже совершенно произвольно; во-вторыхъ, всегда-ли и необходимо-ли въ теперешнихъ обществахъ нравственность награждается богатствомъ? И для того, чтобы не потерять своего капитала, или чтобы его увеличить,

необходимо-ли получить монтіновскую премію за благонравіе? Извѣстно кажется, что для этого достаточно обладать самою обыкновенною промышленною смѣлостью. Сохранить свой капиталъ въ цѣлости и даже увеличить его (особенно капиталъ, приносящий 50,000 фр. дохода) можно, участуя во всевозможныхъ оргіахъ, и забрызгивая грязью сколько угодно пѣшеходовъ. Да приложъ, если уже Мондоръ надѣленъ разными пороками, то почему Аристѣ представленъ чистымъ, какъ голубь; справедливо-ли это? Мы позволяемъ себѣ думать, что онъ тоже не безъ грѣховъ, только умеетъ ихъ хорошо скрывать. По крайней мѣрѣ, мы видимъ причину, которая бы мѣшала Аристѣ, если не содержать лоретку или крысу (это вѣдь дорого), то волочиться за свою кухаркою; или почему онъ не играетъ на биржѣ, или не покупаетъ сомнительного происхожденія драгоценностей, или не беретъ лихвенныхъ процентовъ? Какъ приданые авторомъ Мондору пороки, по мнѣнію известной категоріи моралистовъ, вѣдутъ къ свѣтскому человѣку, какимъ представляется Мондоръ, такъ предполагаемыя нами продѣлки ведутъ къ степенному буржуа Аристѣ; а главное, какъ тѣ, такъ и другія, для доказательства тѣмы Бастіа, совершины бесполезны.

Но, какъ бы то ни было, Аристѣ живеть скромно и благонравно, и *потому* экономически награждается: онъ сохраняетъ свой капиталъ въ цѣлости. Еще разъ повторяемъ: необходимо-ли было Аристѣ добровольно для того, чтобы сохранить свой капиталъ въ цѣлости? Мы увѣрены, что этой цѣли онъ, Аристѣ, могъ бы достигнуть и при сухости сердца, при самомъ тупомъ эгоизмѣ, и даже при возможной безнравственности. Но мы сравненіе между Аристомъ и Мондоромъ поведемъ еще дальше. Мы утверждаемъ, что самый нравственный человѣкъ можетъ потерять свой капиталъ именно вслѣдствіе своихъ хорошихъ качествъ, напр. отъ благотворительности. Что потеря капитала, даже значительного, можетъ произойти отъ благотворительности, это намъ доказывается слѣдующій цѣвидуванный случай. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, помѣщикъ Погодининъ, имѣвшій 60,000 р. тогдашними ассигнаціями дох-

да, совершенно разорился оттого, что помогалъ лицамъ, пострадавшимъ отъ бывшаго тогда всуражая. (Русскій Вѣстникъ 1857 г., ноябрь, ви. 1, статья: «Замѣтки на статью Новиковъ и Шварцъ»). Какъ потеря капиталъ вредна не только для самого капиталиста, но и для общества, то потерявший свой капиталъ, хотѣбы и по самымъ нравственнымъ побужденіемъ, все-таки приносить обществу вредъ. Въ тоже время, тотъ, кто сохраняетъ свой капиталъ въ цѣлости, хотѣбы притезъ онъ былъ и циникъ, хотѣбы онъ участвовалъ въ оргияхъ и забрызгивалъ пѣшеходовъ грязью, лишьбы онъ все это дѣлалъ въ размѣрахъ допускаемыхъ его капиталомъ (а не требованиями нравственности) уже потому самому, что сохранилъ свой капиталъ въ цѣлости, долженъ быть признанъ полезнымъ членомъ общества.

Итакъ, нравственность—сама по себѣ, а промышленность, въ теперешнемъ ея видѣ, сама по себѣ; нравственность имѣть свои требования, а Политическая экономія, какъ ее понималъ Бастіа, и какъ ее понимаетъ Молинари и другіе ученые, провозглашающіе безпрестанный хвалебный гимнъ теперешнему образу производства промышленности, имѣть свои, совершенно другія требования. Бастіа хотѣль доказать, что и теперешний образъ производства промышленности, и наука, составляющая его панегирикъ, не противуложены нравственности, и не успѣлъ въ этомъ; отсюда необходимо заключить, что его противники, доказывающіе, что нравственность и теперешний образъ производства промышленности совершенно другъ другу противуложены, правы. Поэтому правы и тѣ, которые нападаютъ на минимую Политическую экономическію, признающую нормальными теперешнія коренные условия экономической деятельности; но слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что разумная и законная дѣятельность человека, имѣющая результатомъ удовлетвореніе его разумныхъ и законныхъ потребностей, что наука, излагающая непреложные законы этой дѣятельности, противопозижна и противурѣчить нравственности, правды и справедливости? Разумѣется нѣтъ.

(Окончаніе впередъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Политико-экономические выводы Лаволье по поводу «статистики Франціи» Блока.

Слѣдя за политическою жизнью европейскихъ государствъ, намъ не разъ приходилось задавать себѣ вопросъ: что за государство нынѣшняя Франція? Что это за народъ французы? На этотъ вопросъ можно бы просто отвѣтить, что Франція есть государство монархическое, которое императоръ Наполеонъ своими подвигами храбрости, мудрости и пр. возвелъ на степень сильнейшей державы въ целой Европѣ; народъ же французский есть покрѣпшее воинственный народъ. Въ войнѣ онъ готовъ жертвовать спокойствиемъ, состояніемъ, чегожъ больше? Онъ ей жертвуетъ самою жизнью. Все это вѣрно, говорили мы сами себѣ, а все-таки какъ-то непонятно, какимъ же образомъ Франція вдругъ, ни съ того ни съ сего, сдѣлалась сильнейшимъ государствомъ въ Европѣ? Здѣсь, что-нибудь да ие такъ,--съзижкомъ просто не объяснить дѣла. Вотъ Англія—другое дѣло. Мы давно привыкли читать и слушать, что Англія есть первая морская держава, что английскій флотъ есть первый въ свѣтѣ, что англичане любятъ свободу, любятъ и деньги; а такъ-какъ, денегъ у нихъ много, то и за свободу свою они постоять. Англичане богаты, и хоть не такъ храбры, какъ французы, но имъ хорошо жить въ свободной странѣ, оттого-то они должны быть въ известной мѣрѣ и воинственные. Это еще понятно,—богаты, храбры, значить не вдругъ захотѣть разстаться съ богатствомъ и свободою. Корабли у нихъ на всѣхъ моряхъ; вездѣ строятъ новые, — разсыла-